

16+

ИСКУССТВО ОБОЛЬЩЕНИЯ

Мария Дмитрова

автор стихов Елена Нойман
художник Галина Шатрун

Мария Дмитрива
Искусство обольщения

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Дмитрова М.

Искусство обольщения / М. Дмитрова — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Счастье для всех и каждого – разное. Подарки судьбы иногда остаются незамеченными. Возможно, ты понимаешь их предназначение по-своему. И, развернув завлекательную упаковку, используешь этот подарок в соответствии с твоими представлениями о том, что такое хорошо и что такое плохо. Кто, в конце концов, знает это лучше тебя? По дороге встречаются оазисы и миражи, непросто отличить одно от другого. Обольстительница-жизнь манит, а обстоятельства иногда вынуждают сделать выбор, который вряд ли кто-то одобрит. А, впрочем, зачем тебе чье-то одобрение? Главное, чтобы счастье, наконец, пришло.

Мария Дмитрова Искусство обольщения

*Прелюдия Баха, органом взлетая,
Плывет, растекаясь по улочкам рая,
Летит между башен, скользит по мостам,
Спускаясь туманом к отлогим местам.
И времени нет, все вернулось туда
Где смерть побеждает живая вода.
Где слышен призыв колокольного звона
И рыцарь принцессу спасет от дракона.
И Фауст и Черт – как мечта и насмешка,
Но Золушка ждет от судьбы три орешка.*

Скопления жилых домов неподалеку от пансионатов и санаториев было бы большим преувеличением назвать городами. Однако со временем поселения разрастались, сливаясь, подобно каплям ртути, переплетались пыльными улочками и утрачивали границы, действительно превращаясь в небольшие города, расположенные по кромке черноморского побережья. Городки разделялись ущельями и скалистыми отрогами горного хребта, которые местами подходили к самой воде, образуя причудливые утесы с живописными бухточками. Горы, покрытые непроходимыми зарослями сосен, граба, бука, можжевельника и дикой ежевики то нависали над петляющей вдоль моря дорогой, то вдруг расступались, открывая бескрайний горизонт, до краев заполненный сверкающей под солнцем синевой.

Ритм жизни здесь подчинялся температуре морской воды. Едва растворив в себе первое солнечное тепло, она начинала притягивать отдыхающих. Чем больше прогревалось море, тем мощней становился поток, превращаясь из маленького ручейка в полноводную реку, который подобно живой воде пробуждал от спячки поселки и городки, пляжи и рынки, а также пустынную зимой завернутую крутым локоном трассу. Так длилось до осени, когда остывающий воздух маленькими глотками капля по капле незаметно выпивал летнее тепло воды, и так же постепенно, словно нехотя, вода отпускала от себя курортников. К ноябрю обычно уже никого не оставалось, и море, вместе с местными жителями отдыхало от гостей до следующей весны.

Из развлечений тут предлагалось только кино, которое показывали в огороженных под черным бархатом звездного неба «кинозалах» и танцплощадки, устраиваемые иногда прямо посреди улицы. Имелись еще рестораны, но они обычно были переполнены, и попасть туда не всегда получалось из-за большого наплыва желающих. Непритязательные курортники, приехавшие отогреться под южным солнцем, спокойно селились в любых курятниках, лишь бы была крыша над головой. Так длилось десятилетиями и, скорее всего, ничего не поменялось бы и дальше, если бы в середине 80х годов в стране не началась перестройка. Суровый государственный сервис моментально был вытеснен частниками. Вместо обшарпанных, похожих на сараи столовых, в которые приходилось занимать очередь чуть не с утра, чтобы пообедать, открылись небольшие кафешки с домашней кухней, которые по уровню обслуживания не уступали ресторанам. Появились платные пляжи, где всегда имелись лежаки и даже иногда зонтики, как из-под земли выросли магазинчики, торговавшие разной пляжной дребеденью, а продавцы, помимо пестрого ширпотреба, предлагали обширный спектр услуг: начиная от поиска отсутствующего на витрине товара до предоставления жилья и организации экскурсий. Вместо прежних клетушек, многие хозяева теперь обеспечивали курортников специально возведен-

ными номерами, что, безусловно, было приятно как для одних, так и для других. Разрешенное частное предпринимательство словно дало новые силы, однако, наряду с бесспорными плюсами появились и проблемы. Один за другим начали закрываться немногочисленные предприятия, люди лишались государственной работы, санатории и дома отдыха постепенно переходили в частные руки, что тоже означало увольнение старых служащих. Помимо безработицы возникла еще одна серьезная напасть: молодые люди, не имеющие возможности найти работу, а часто и не желающие этого делать, объединялись в шайки и доставляли достаточно бед новоиспеченным предпринимателям. Прошло немало времени, пока этот процесс удалось как-то остановить, а пока местные жители вынуждены были договариваться и платить дань, чтобы иметь возможность зарабатывать на хлеб.

Нина, сколько себя помнила, всегда жила в таком приморском городке. Здесь все знали друг друга, любые события в жизни соседей, с которыми давно сложились почти родственные отношения, не могли остаться незамеченными.

В последнее время в городке стали поговаривать, что за границей, а именно в Чехии, можно неплохо устроиться, есть все условия для нормального бизнеса, и постепенно некоторые семьи их знакомых и родственников стали посылать гонцов для выяснения, правду ли говорят об этой сказочной стране. Потом так же постепенно семья за семьей начали сниматься с насыженных мест, а через некоторое время это поветрие охватило чуть ли не весь их небольшой городок, если не сказать, все побережье.

Правда, некоторые не стремились покинуть родные места. Например, брат Нины Виталий категорически отказывался куда-либо ехать. Зачем все бросать и бежать на край света? Работа приносит доход, дом – полная чаша, любимая жена, двое малышей требуют постоянной заботы. Нет времени отвлекаться на всякие глупости, да и не верит он в сказки о прекрасном далеком крае. Как там говорят? От добра добро не ищут.

Их семья владела салоном модной одежды и небольшим кафе. Кроме того, и родительский дом, и дом Виталия, как у всех, кто живет недалеко от моря, имели добротные пристройки для отдыхающих, без ложной скромности их можно было назвать гостевыми домами.

Салоном одежды занималась мама Нины и Виталия, Марина. Для пополнения ассортимента она каждые 3-4 месяца ездила в Польшу и Турцию, реже – в Эмираты, и еще реже – в Италию. В упомянутых странах имелись надежные поставщики, сотрудничество с которыми длилось уже не один год. Процесс закупки был настолько отлажен, что Марине достаточно было нескольких телефонных разговоров для того, чтобы товар был отгружен и отправлен. Артикулы самых ходовых вещей она знала наизусть, заказы на них оформлялись на год вперед. Относительно новых коллекций владельцы фирм оповещали особо, и вот тогда Марина ехала сама, дабы лично отобрать нужный товар. Документами, сопровождением и прочими формальностями занимался сын.

Вся семья работала, не покладая рук.

Однако отец считал, что люди зря говорить не будут – вон, сколько семей уже уехало – значит, нужно попробовать и им. Пора выходить на новый уровень. Недвижимость за границей и ПМЖ в другой стране еще никому не мешали.

– Сначала выедем мы с мамой, обоснуемся, поживем, потом, если все будет хорошо, переедешь ты с семьей, да и Ниночка с мужем, возможно, тоже решат к нам присоединиться.

Первой перебралась мама, отец пока остался в России, и занимался налаженным бизнесом. Предполагалось, что позже он присоединится к жене, которая тем временем уже обживется в чужой стране. А поскольку ей не придется беспокоиться о заработке и хлебе насущном, у нее будет достаточно времени для завязывания нужных знакомств, вхождения в курс дела и подготовки пространства для переноса их бизнеса за границу. Она разужнает, что там к чему и стоит ли вообще делать ставку на эту страну. Вполне возможно, что они не останутся

там и поедут дальше или даже вернутся назад. Время покажет. А расходы? Что делать, придется пойти на это, любое начинание всегда требует финансовых затрат. Ну и немаловажно, что Чехия не так уж далеко, они всегда могут приехать друг к другу. А мужу пока совсем необязательно там показываться.

Для получения документов на ПМЖ Марине сделали фиктивный брак, что являлось обычной практикой и не составило никакого труда, благо, контор для легализации появилось, как грибов после дождя, несмотря на строгость законов. Даже не пришлось искать «юристов» и «жениха», так как прибыльный бизнес легализации иностранцев процветал и давал хороший доход. Соответственно, конкуренция среди специалистов, промысляющих этим делом, была очень высокой.

Для проживания была выбрана Пльзень, хоть и не столица, но вполне себе большой город. И до Праги недалеко, и приезжих поменьше, и цены на услуги «юристов» ниже, и полиция не такая доставучая.

Фиктивный муж был почти на пятнадцать лет моложе Марины, но, в смысле правдоподобности это никого не смущало. Любовь – чувство неподвластное логике, мало ли кого оно может настичнуть? Полюбили люди друг друга, поженились. Кому какое дело?

Отгуляли скромную свадьбу, по всем правилам разыграв представление, включавшее в себя свадебное платье, фотографа, кольца, цветы и даже свадебный торт.

Когда все формальности были улажены, Марина поселилась в квартире своего чешского мужа. Последний получил за участие в марьяжной афере кругленькую сумму, что позволило ему переехать в Прагу, где он теперь и работал. «Муж» изредка навещался в Пльзень, исключительно для того, чтобы помелькать перед соседями. Эти поездки ему аккуратно оплачивали, как и было оговорено заранее. Пани Марина была женщиной доброй, и «мужу» всегда удавалось не только вкусно покушать в гостях, но и выклянчить какую-то мелочь на пиво. Так что все сложилось замечательно к обоюдному удовольствию сторон, и наличие в квартире настоящего мужа было совсем ни к чему. Всем известно, что полиция весьма настороженно относится к участвовавшим бракам местных жителей с иностранцами, поэтому антураж соблюдался очень строго. Соседи всегда могли подтвердить, что да, живет приятная супружеская пара, никаких посторонних тут не бывает.

Итак, после получения документов, Марина осталась одна. К ее услугам было сколько угодно свободного времени, которое совершенно не на что было тратить.

Вначале она была довольна и очень рассчитывала на безмятежный отдых. Чудесно, что можно спать, сколько пожелаешь, никуда не торопиться и делать, что хочешь.

Но как-то очень быстро стало понятно, что жизнь наполненная сладким бездельем, не такая уж и сладкая.

Навестив не один раз знакомых – здесь проживало несколько семей из ее краев – и не один раз приняв гостей, Марина заскучала. Дома постоянно что-то происходило, а тут одно и то же каждый день. Никаких новостей. Ничего нового.

Съездила с приятельницей в Прагу. Ну, город, ну красивый. Погуляли. Покушали в ресторане. Прошлись по магазинам, накупила внукам подарков. Это вызвало гораздо больший интерес, чем архитектурные красоты и прочие достопримечательности. Встретились со знакомыми, обосновавшимися в столице. Особых успехов пока ни у кого нет.

В Пльзени Марина еще раньше прогулялась по магазинам, торговавшим одеждой. Не то, чтобы расстроилась, но поняла, что открывать здесь такой магазин нет смысла: их и так много, да и публика избалована изобилием, не то, что в России. Стало быть, нужно придумывать что-то другое.

Можно было, конечно, покататься по стране и посмотреть, что происходит в других городах, но ей совершенно не хотелось делать это в одиночестве. В конце концов, от нее пока требо-

валось только изображать присутствие в квартире, а деловыми вопросами они могут заняться, когда придет муж. Они обязательно что-нибудь придумают.

Она переключилась на квартиру – женщина всегда отыщет себе домашние дела – но что-то менять в ней бессмысленно, она принадлежит фиктивному мужу, и нужна только на первое время, потом они купят себе дом. Вытереть пыль, помыть полы, кафель, окна, наконец, это не труд для привыкшей вести огромное хозяйство, Марины.

Что еще? Ага, можно сделать генеральную уборку, тем более, фиктивный муж не возражал, а ей интересно, что лежит во встроенных шкафах.

Уборка дала повод для новых занятий: разбирая старые вещи, Марина обнаружила приспособление для изготовления домашней ветчины, множество сувениров, кучу фотографий, лыжи, мотки шерсти, вязальную машину, кастрюлю для приготовления еды на пару, журналы и много чего еще, включая дребедень непонятого назначения.

С помощью словаря и интуиции перевела инструкцию и занялась ветчиной. Получилось вкусно. У нее всегда все получалось, просто пальчики оближешь, жаль, угощать было некого. Правда, такой же продукт в магазинах стоил гораздо дешевле, да и выбор был больше. Но удалось себя занять, что было важнее, чем конечный результат.

Полистала старые журналы, вдохновилась свитерочком. Повозившись с вязальной машиной, поняла, что та нуждается в починке. Вернула ее на место и отправилась в магазин рукоделия. Несколько дней были посвящены вязанию, это немного развлекло. Сидя перед телевизором со спицами Марина чувствовала себя счастливой: точно так же она проводила зимние вечера дома.

Гуляя по Праге, она купила диковинный напиток. То ли фруктовая водка, то ли ликер: в прозрачной оранжевой жидкости плавали три абрикоса. И вот, практически не употребляющая алкоголь Марина, воротящая нос даже от чешского пива, с тревогой рассматривала болтающиеся на дне абрикосы. Она и не заметила, как прикончила бутылку. Пусть на это ушло несколько недель, но дома она никогда не нуждалась в таком допинге. А тут «Боже, прими за лекарство», каждый вечер по капелюшке, пристрастилась. И непонятно, что тревожит больше: то ли что водка кончилась, то ли, что хочется выпить.

«Хватит, – испуганно подумала любительница абрикосовки, – пора домой, а то сопьюсь».

После некоторых споров, решили, что нужно побыть на глазах у соседей примерно месяц. Этого вполне достаточно, ведь дома дела стоят. Женщина еле дождалась конца договоренного срока и, не довязав свитер, уехала в Россию.

Впоследствии Марина так и жила: отбыв положенное время, возвращалась домой, потому что очень скучала по мужу, детям и внукам, да и вообще по привычной жизни, которая, конечно, отличалась от жизни хоть и в удобной для проживания, но абсолютно чужой стране.

Нина совсем недавно вышла замуж, и теперь жила в Москве вместе с мужем Петром, который занимался автомобильным бизнесом. Она не думала о переезде и не принимала участия в процессе подготовки отъезда мамы, потому что замужние женщины обычно во всем слушаются своих мужей – так ее воспитали родители – а муж вообще не заговаривал ни о каком переезде.

Петр был старше ее на пять лет, когда-то они учились в одной школе, и прекрасно знали друг о друге все, ну, или почти все.

Нина ни разу не выдала Петьку, который регулярно откалывал разные номера. Все художества или происходили на ее глазах, или становились достоянием сарафанного радио. Но она никогда не болтала о том, что Петька, например, уже целую неделю, вместо того, чтобы прилежно заниматься, торгует в соседнем городке на рынке, или, что он в последнее время часто захаживает в один такой дом, где часами режутся в карты на деньги, или что он...

Подвигов было много, но Нина никогда не рассказывала об этом взрослым. Тетя Мила, Петькина мама, часто жаловалась на хулиганистое чадо – их родители жили рядом и тоже были знакомы с детства. В таких случаях Нина делала невинное лицо, и никто не мог заподозрить, что она что-то знает.

Петька не замечал «эту малявку», но они были закадычными дружками с братом Вита-ликом, поэтому Петька частенько заходил к ним в гости.

Нина училась в предпоследнем классе, когда Петька вдруг стал надолго уезжать. Взрослые говорили, что он занимается каким-то серьезным бизнесом. Собственно это не было чем-то удивительным, все вокруг занимались бизнесом, в их курортном городке никакой государственной работы с достойной оплатой практически не было.

– А каким серьезным бизнесом занимается Петька, – спросила она брата.

– Торгует.

– Чем? – удивилась Нина.

Нужно было ехать за тридевять земель, чтобы заниматься тем, чем здесь занимались все поголовно!

– Машинами, – ответил Виталик.

«Ну да, – подумала Нина, – машины это серьезно».

Видимо дела у Петьки действительно шли хорошо, потому что тетя Мила не выглядела расстроенной, когда рассказывала о нем маме Нины.

Впрочем, вскоре Нина вообще перестала вспоминать о нем, потому что его приезды стали совсем редкими, да и интересовалась она им не больше, чем можно интересоваться сыном соседки или другом брата.

Прошло четыре года. Нина за это время окончила школу, и отец передал в ее полное распоряжение небольшое кафе. Она и раньше в сезон работала там, но теперь кафе стало ее собственностью. Оно было крошечным, но Нине очень нравилось, что она, наконец, может заняться каким-то настоящим делом и начать самостоятельно зарабатывать деньги. Учиться дальше она не захотела, так как учеба ей надоела в школе. Все теплое время года она работала в своем маленьком кафе, а когда отдыхающие разъезжались, отдавала ключи отцу, и он запирал заведение до следующего сезона.

Зимой наступал мертвый сезон, и появлялось много свободного времени. Нина любила развлечения и внимание поклонников, как и все в ее возрасте. Летом на эти важные вещи времени было маловато, а зимой никто не мешал развлекаться на всю катушку. Можно было мотаться на машинах по всему побережью, танцевать на дискотеках, морочить головы молодым людям, ходить на свидания, ездить за покупками в соседние городки – разных интересных дел находилось немало.

Однажды теплым зимним вечером она собиралась на какую-то очередную вечеринку. Возможно, это был чей-то день рождения, а может быть просто собирались повеселиться, повод был не важен. Важно только то, что она должна выглядеть лучше всех! Собственно всем и так ясно, что соперничать с Ниной невозможно: ни у кого нет таких синих глаз, таких шикарных черных волос и такой обольстительной улыбки. Но подружки не дремлют, стоит зазеваться – мигом растащат поклонников из-под носа, поэтому к сборам Нина всегда подходила тщательно и к собственной внешности относилась очень серьезно. Боже упаси показаться два раза в одном и том же наряде! Сразу пойдут разговоры, что ее родители жалеют лишний раз открыть кошелек, чтобы купить дочери обновку, а девочка на выданье, ах-ах, какой позор! Местные кумушки сразу понесут сплетни на хвосте.

С обновками не было никаких проблем: в собственном магазине модной одежды, всегда можно выбрать, что душе угодно. Вот и сейчас Нина придирчиво выбирала среди отложенных нарядов тот, который она наденет, чтобы в очередной раз всех затмить. Наконец, она остановилась на маленьком черном платье. Нина очень любила черный цвет, а, кроме того, он служил

прекрасным фоном золотым украшениям, без которых ни одна уважающая себя девушка их городка просто не вышла бы из дома. Остальные наряды она аккуратно разложила по пакетам – чтобы потом отнести в магазин. Ей они не подошли, но вполне возможно, что, едва появятся в магазине, тут же обретут хозяек, не провисев и пяти минут.

Под окном уже сигналила машина, в которой приехали подружки, чтобы забрать ее и ехать веселиться. К дому подкатила целая кавалькада, их большой компании невозможно было обойтись одной или двумя машинами.

– Нина, – звали ее, – мы тебя ждем!

Она бросила на себя последний взгляд в зеркало и побежала к двери.

– Мам, я ушла! – крикнула Нина, зная, что мама сейчас смотрит сериал и никаких препятствий чинить ей не будет. Отца дома нет, он поехал по делам в соседний городок и еще не вернулся. Как и любой отец красавицы дочери на выданье он всегда возмущался и ворчал, что девушка мотается по «всем этим гулякам», но это была скорее дань традициям, ему бы и в голову не пришло запрещать дочери наслаждаться жизнью.

Не услышав привычного маминого отзыва: «Будь умницей», Нина заглянула в гостиную:

– Ма-ам! Я... – надо же, у них, оказывается, гости.

Напротив мамы сидел ... Петька и весело что-то рассказывал, рядом расположился Виталик, мама угощала их кофе, все были в прекрасном настроении.

– Ниночка, – увидела ее мама, – посмотри, Петя приехал! Иди, посиди с нами, он такие уморительные истории рассказывает!

Мама прекрасно знала, что дочка собралась уходить, ждущие ее друзья галдели на улице, но было бы верхом неприличия хотя бы не перекинуться парой фраз с гостем.

Нина застыла в дверях. Надо же, Петька! Да его и не назовешь теперь так. Разве можно назвать просто Петькой такого потрясающего парня!

Она вошла, улыбнулась гостю и скромно опустила глаза. Присела рядом с братом на краешек дивана, хотя находилась у себя дома. Разыгрывать скромницу тоже обязывали приличия, которых она привыкла придерживаться с детства. Вот на их тусовках можно было флиртовать и кокетничать сколько угодно, а в присутствии мамы это было бы дурным тоном. Однако не удержалась и послала гостю из-под опущенных ресниц такой взгляд, что тот даже покраснел.

Мама без труда заметила все эти маневры, ей было очень забавно наблюдать за молодежью.

После обязательных в таких случаях фраз: «Ты надолго к нам?», и «Как быстро время летит – была совсем девчонка, а теперь такая красавица», повисла пауза. Гость из потрясающего парня вдруг превратился в мокрую курицу, вместо остроумного рассказчика – в косноязычного недоумка.

Мама Нины наслаждалась ситуацией. Ей было очень приятно, что молодые люди просто столбенеют при виде ее дочери. Что же касается Виталика, то он, по простоте душевной ничего не заметил.

– Ну, что сестренка, – сказал он, – ты собиралась куда-то ехать? Мама, давай отпустим Нину, а то она сидит как на иголках!

Мама догадывалась, что иголки, на которых сидела ее дочь, были связаны совсем не с тем, что она торопится, и что под окном ее с нетерпением ожидают друзья-подруги. Иголки появились в тот момент, когда Нина увидела в гостиной Петра. И она готова поспорить на что угодно, что у этой истории будет продолжение. Или она не знает свою дочь!

Мама как всегда оказалась права.

Нина упорхнула, церемонно попрощавшись, а молодые люди, посидев еще немного в обществе Марины, через какое-то время поехали вслед за ней. Виталик был в курсе, к кому она отправилась, поэтому, когда Петя спросил, знает ли он, где сейчас проводит время его сестрица, просто предложил присоединиться к их компании.

У Нины екнуло сердце, когда она увидела Петра среди гостей.

Проведя вместе весь вечер, они уже не расставались.

Петр в этот раз задержался в родном городке дольше, чем в свои прошлые приезды. Он не отходил от Нины ни на шаг. Дарил огромные букеты, водил по самым шикарным заведениям. Они целыми днями катались по побережью и гуляли в вечнозеленых южных парках.

Родители молодых людей только радовались, наблюдая за влюбленными.

– Прекрасная пара для Ниночки, – говорил папа, – серьезный молодой человек, свое дело в столице.

– Да, – вторила ему Марина. – Девочка будет за ним как за каменной стеной.

Что касается родителей Петра, то они тоже ничего не имели против того, чтобы породниться с такой уважаемой семьей.

Дело было за предложением, и Петр не заставил себя ждать.

Став невестой, Нина погрузилась в предсвадебную суету, а жених ненадолго уехал в Москву, подыскать подходящую квартиру для молодой жены.

После его возвращения сыграли свадьбу, такую роскошную, что Нина чувствовала себя, по меньшей мере, принцессой, выходящей замуж за наследника престола.

Спустя некоторое время молодые супруги отбыли в Москву.

Первые несколько месяцев прекрасная сказка продолжалась. Они гуляли теперь уже по столичным паркам, посещали рестораны и до утра танцевали в многочисленных московских клубах. Нина только успевала покупать новые наряды.

Однако вскоре развлечения сошли на нет. Петр целыми днями стал пропадать на работе, Нина сидела дома одна. Сначала она с упоением обустроивала свое семейное гнездышко, потом когда все связанные с этим хлопоты исчерпались, она вдруг поняла, что ей абсолютно нечем заниматься.

Читать она не любила, вязать не умела – таким образом, оставался только телевизор с бесконечными сериалами, да домашнее хозяйство, которое отнимало совсем мало времени. Дом сверкал чистотой, Ниночка по несколько раз в день пылесосила абсолютно чистые паласы. На кухне не переводилась вкуснейшая еда: Нина специально готовила наиболее трудоемкие блюда, чтобы на это ушло как можно больше времени.

К ним изредка приезжал отец Нины, но совсем ненадолго. Убедившись, что дети прекрасно устроились в столице, он и вовсе перестал приезжать. Зачем беспокоить молодую семью? Они сами, если захотят, приедут.

Подруг у нее здесь не было, общаться кроме мужа оказалось не с кем. С женами и подругами друзей мужа она хоть и познакомилась, но не подружилась. Это было сложно сделать, так как в огромном мегаполисе, чтобы только доехать до места встречи пришлось бы тратить полдня. Да и Петру совсем не нравилось, что она одна разъезжает по городу. Даже если речь шла о невинной встрече со знакомой.

Вызывать недовольствие мужа и идти на такие жертвы ради едва знакомых людей не стоило.

Поэтому с новыми приятельницами Нина могла только перезваниваться, а поскольку темы для общения быстро иссякли, ввиду редких встреч, то и звонки вскоре почти прекратились. Было очень непривычно оказаться в полной изоляции после той веселой жизни, к которой Нина привыкла, живя в родительском доме.

Кстати и общение с мужем как-то не заладилось.

Он рано уходил, возвращался поздно угрюмый и подавленный. Проглотив, не распробовав вкуса, заботливо приготовленный ужин, сервированный с тщательным соблюдением всех рекомендаций глянцевого журнала, тут же отправлялся спать, повалившись на роскошные простыни, подаренные им на свадьбу.

Нина, конечно, пыталась понять, что происходит с мужем. Из милого влюбленного парня, за которого она выходила замуж, он постепенно превратился в вечно раздраженного и усталого человека. Они больше не ходили в рестораны. Что там рестораны, Нина была бы рада простой прогулке вокруг дома. Тогда бы удалось хоть как-то поговорить с ним.

– Что с тобой происходит, – спрашивала она, – у тебя неприятности на работе?

Он или отмалчивался, или отмахивался.

Но иногда, это, правда, случалось редко, он приходил с сияющими глазами, с порога заявлял, что она – самое лучшее, что у него есть в жизни, подхватывал на руки и кружил по комнате. Или приносил цветы, которыми осыпал ее с головы до ног. Или вел куда-нибудь развлекаться. За такие минуты она прощала ему все. Вести какие-то разговоры в эти редкие мгновения ей казалось кошунством.

Нина мечтала о ребенке, но с этим почему-то ничего не получалось. Она даже тайком от мужа наведальась к врачу, который заверил, что с ней все в порядке.

– Вы абсолютно здоровы. И еще слишком молоды, чтобы приходить в уныние. А кроме того, вы ведь совсем недавно замужем, не волнуйтесь, еще успеете нарожать кучу ребятишек.

Какая там куча! Ей хотя бы одного, мальчика или девочку. Ее жизнь сразу приобрела бы смысл.

От нечего делать, Нина поступила в школу, где учили... искусству обольщения. Себя она считала непревзойденным мастером в этом деле, и была абсолютно уверена в собственных силах. Но знания, полученные в школе гейш, точно не будут лишними. Тем более, участившиеся размолвки с мужем наводили на мысль, что, возможно, она в чем-то и неправа, и, вероятно, не учитывает тонкости мужской психологии.

Понятно, что отечественные гейши имеют весьма отдаленное отношение к японским. Их никто не собирался обучать игре на сямисэне или флейте фуэ, они весьма поверхностно прикоснулись к сокровищам японской поэзии, о каллиграфии даже не упоминалось. Программа была адаптирована для русских женщин, и включала много интересной и нужной информации.

Их обучали построению гармоничных отношений с мужчиной, умению почувствовать его настроение, на этом делался главный акцент. А Нине именно это и требовалось. Дополнительное удовольствие доставляли уроки танцев, стиля, искусства макияжа и массажа. Ах, как это было увлекательно!

Когда закончился базовый курс, Нина записалась на следующую ступень и с удовольствием изучила тонкости чайной церемонии, икебаны и интимного фитнеса. Последнее было для нее открытием, она и представить себе не могла, что существуют упражнения для самых сокровенных мышц.

Нина свято верила, что постигнув все эти премудрости, сможет лучше понять мужа и вдохнуть новую жизнь в их отношения. Занятия в школе гейш поглотили ее и на какое-то время внесли разнообразие, хотя Петр был очень недоволен, что жена вместо того, чтобы сидеть дома, шляется по каким-то непонятным курсам. Он даже не догадывался, сколько стоили эти курсы. Ниночка благоразумно скрыла от супруга, что на науку привлекательности она потратила совершенно неприличную сумму. Впрочем, совесть у нее была чиста: эти деньги принадлежали только ей, мама перед отъездом вручила пухлый конверт с денежками «на помаду и духи, чтоб любили петухи». И потрачены они были на благо семьи.

Миниатюрной Ниночке, необыкновенно шло кимоно и сложная прическа. К сожалению, соорудить самой такую красоту из волос было невозможно, а покупать дорогой парик не хотелось. Она долго экспериментировала, скручивала и подтягивала пряди, пытаясь достичь нужного эффекта. Наконец выбившись из сил, остановилась на том, что просто забрала волосы на макушке в узел, выпустив на шею длинные тонкие локоны, имитирующие столь необходимые в прическе «крылья ласточки».

После некоторых сомнений решила не покрывать лицо белилами, все-таки неизвестно, как отреагирует уставший супруг на эдакую красоту.

Задумав устроить мужу сюрприз, Нина заказала в ателье кимоно. Правда, нужной ткани найти не удалось, пришлось купить нечто, отдаленно напоминающее шелк, зато рисунок был вполне японский: серые журавли с оранжевыми клювами на темном фоне. Примерив готовое кимоно, Нина пришла в восторг: в зеркале отражалась сама женственность и изящество.

Позвонив с каким-то нейтральным вопросом, Ниночка уточнила время прибытия супруга с работы.

В этот вечер на пороге квартиры Петра встретила прелестная японка, а в комнате ожидала, приготовленная по всем правилам, настоящая чайная церемония. «Японка» грациозно кланяясь, усадила уставшего мужа на приготовленные подушки и, присев напротив в совершенно неудобной позе, занялась чаем, бросая из-под ресниц хитрые взгляды. Не говоря ни слова, он удивленно наблюдал, как она, наполнив для него малюсенькую чашечку, встала, и, развернув веер, принялась исполнять какой-то странный танец под непостижимым образом вдруг зазвучавшую не менее странную музыку.

– И что это за театр Кабуки? – недовольно спросил Петр, когда жена прекратила манипуляции с веером и учтиво поклонилась.

На мгновение ее лицо омрачилось, но, не дав воли охватившему ее разочарованию, Нина улыбнулась:

– Мой господин устал и...

– Господин хочет жрать, – перебил он, – что, кроме чая ничего нет?

Нина вздохнула и удалилась на кухню, через минуту вернулась с подносом, на котором был сервирован ужин.

– Вот так бы сразу! А то приходишь с работы голодный, а тебя не кормят.

Петр с аппетитом принялся за еду, решительно отодвинув чайную чашечку.

«Ну да, – подумала Нина, – я сама об этом думала: что вначале: еда или чай? Но если сразу еда, он потом моментально завалится спать, сюрприза не получилось бы. Кстати, и без еды все равно ничего не получилось».

Однако, вкусный, как обычно, ужин привел Петра в прекрасное настроение. И Ниночка воспряла духом. Нет, все-таки не зря она проходила обучение.

Игры в гейшу продолжились. Иногда Нине казалось, что это дает ожидаемые результаты, но чаще старания пропадали впустую.

Неожиданно судьба послала ей подарок. Как-то утром тест на беременность показал две долгожданные полосы. Нина чуть с ума не сошла от счастья. Чтобы удостовериться, она несколько раз повторила тест, купив в аптеке сразу десять штук. Сомнений быть не могло! Она ждет ребенка!

Петя тоже очень обрадовался, они даже устроили романтический вечер. Но романтика кончилась уже на следующее утро, когда он повысил на нее голос из-за какого-то пустяка. Она не смогла сдержать слез.

– Тьфу ты, – фыркнул он. – До этого мы просто ныли, теперь будем ныть на законных основаниях. Мы же теперь в положении!

Время шло, ничего не менялось, даже стало еще хуже. Петр теперь не только задерживался допоздна, но даже мог вовсе не прийти ночевать.

– Что у тебя за работа такая, – удивлялась Нина, – неужели люди покупают машины по ночам?

– Не говори глупостей, – отмахивался он, – раз я сказал, что был занят, значит, был занят. Ты что, мне не веришь?

«Конечно, не верю, – думала Нина, – я же не круглая идиотка».

До объяснений он не снисходил.

Ей не с кем было посоветоваться, а родителям было стыдно признаться, что ее семейная жизнь не задалась.

«Ничего, вот появится малыш и все сразу будет по-другому» – надеялась Нина.

Как-то она купила широко разрекламированное средство для чистки золотых украшений. Она давно не доставала свои сокровища, поскольку их просто некуда было надевать. Она достала футляры, шкатулочки, синий бархатный мешочек и принялась раскладывать на столе заигравшие в лучах солнца драгоценности.

Странно, не хватало увесистого золотого браслета, свадебного подарка брата. Она потрясла мешочек, он был пуст, да и не такая это вещь, чтобы запутаться в бархатных складках.

«Что за ерунда, – подумала Нина, – куда я могла его засунуть?»

Она поворошила кучку драгоценностей – кроме браслета не хватало еще больших серег и кольца с бриллиантами, комплекта, подаренного на свадьбу родителями Петра. Ее охватила паника. Пропали свадебные подарки!

«Что я скажу Пете? Куда я могла их деть?».

Ей и в голову не могла прийти мысль, что к исчезновению украшений мог быть причастен кто-то кроме нее. Муж ведь не носил ни колец, ни браслетов, ни, наконец, серег. Она прекрасно помнила, как произвела фурор, возникнув во всем великолепии и блеске, на пафосном новогоднем корпоративе. Тогда все без исключения присутствующие бабы тарасились на ее бриллианты с перекошенными физиономиями, такое не забывается. Ах, как это было прекрасно! Однако потом украшения пришлось убрать: такие роскошные вещи не подходили для повседневного ношения. К сожалению...

«Куда же я их положила?» – пыталась вспомнить Нина.

Целый день она разыскивала украшения, по несколько раз перерывая укромные уголки и вывалив все вещи из шкафов, включая кухонные. Напряженные поиски, постепенно переросшие в генеральную уборку, результатов не принесли. Если не считать безукоризненного порядка возникшего по ходу дела, как побочный эффект.

Вечером, Петя пришел в хорошем настроении, и она решилась рассказать ему о своей пропаже.

– Какая ты глупая, – засмеялся он, обнимая ее, – ты же специально не стала их брать с собой. Ты боялась, что с ними может что-то случиться на съемной квартире, поэтому решила оставить их у родителей, пока мы не купим здесь себе жилье! И мама отговаривала. Что, неужели не помнишь?

Нина удивилась. Да, действительно такой разговор насчет драгоценностей состоялся, но она все-таки взяла их с собой. Она ведь даже надевала их один раз!

Родители часто дарили ей разные «бирюльки», как говорил папа, и их со временем накопилось немало. Она очень любила свои камушки и естественно прекрасно знала каждую вещь, ведь с любой были связаны какие-то приятные воспоминания: дни рождения, окончание школы, совершеннолетие. Петр же считал драгоценности только средством вложения денег, и не мог отличить изумруды от сапфиров.

«Это он взял, – внезапно поняла Нина, – но зачем? Не поносить же он их взял! Зачем они ему понадобились? А может... – она похолодела, – может, у него любовница? И он подарил ей мои украшения?». Ревность, обида, злость – гремучая смесь ударила в голову, спутав мысли.

Петр тем временем, продолжая подтрунивать над ее забывчивостью, предложил куда-нибудь пойти прогуляться.

«Точно, это он» – у Нины пропали последние сомнения. Муж ни с того, ни с сего зовет ее гулять!

– Мы никуда не пойдем, пока ты не скажешь, где мои драгоценности! – потребовала Нина.

– Да не знаю я! – повысил он голос, – Ты что, хочешь сказать, что я их украл?

– Конечно, нет! – Нина сменила тактику, – но подумай, куда они могли деться?

– Да отвечаю, ты оставила их дома!

Его тон был так убедителен, а Нине так хотелось верить, что муж не причастен к пропаже украшений, что она решила не скандалить, а прямо завтра позвонить маме и прояснить этот вопрос. В конце концов, она – беременная женщина. А у беременных часто бывают проблемы с памятью. Может быть, она действительно что-то путает?

Петр в этот вечер был так мил и ласков, что она на время забыла о пропаже. Однако неприятный осадок в глубине души все-таки очень беспокоил ее.

«Может быть, действительно я их не взяла, – подумала Нина, и тут же одернула себя – Ерунда! Что же я тогда надевала на новый год?»

На следующий день она позвонила маме в Пльзень и осторожно, стараясь не вызывать подозрений, завела разговор об украшениях.

– Напрасно я притащила сюда всю свою казну, – заявила она маме, покончив с расспросами и рассказами о своих делах, – особенно свадебные, ну те, помнишь, золотой браслет и комплект с большими бриллиантами. Ах, мам, я все время нахожусь в тревоге, что с моими сокровищами что-то случится! У нас такие хлипкие двери, я даже в магазин боюсь выйти!

– Да, Ниночка, я же говорила, оставь хотя бы свадебные подарки, пока у вас с Петей нет собственного жилья. Но с тобой же бесполезно спорить! Увезла, спасибо хоть в самолет не надела, а то бы вами точно заинтересовались террористы! – засмеялась мама.

Поговорив для вида еще о каких-то пустяках, Нина отключилась.

«Я и не сомневалась, – пронеслось у нее в голове, – у нас никого не бывает, я из дома практически не выхожу. Петр, больше некому... Но зачем? Боже мой, наверное, случилось что-то страшное, непредвиденное, и ему пришлось их продать. Он же очень любит меня, просто ограждает беременную жену от ненужных переживаний! Конечно. Вот глупый, – Нина даже растрогалась, – ну конечно, он же у меня такой заботливый и внимательный. И как он не понимает, ведь любящая жена всегда разделит с мужем самые страшные невзгоды! А я-то, – с негодованием подумала она, – уже готова была обвинить его во всех смертных грехах! Бессовестная, неблагодарная эгоистка».

Она решила немедленно ему позвонить. Набрала рабочий номер.

– Автосалон***

«Ох, боже мой, – подумала она, – совсем забыла, у него же мобильник. Ну ладно, уже позвонила». Пару месяцев назад он приобрел мобильный телефон и велел не звонить на работу: «Теперь не придется все бросать и нестись, сломя голову, чтобы отвечать на глупые вопросы: что я хочу на ужин и скоро ли приеду!». Так что в последнее время она звонила ему только на «трубу». А сегодня машинально набрала старый номер.

– Здравствуйте, можно... – она назвала его имя.

– У нас такой не работает, – огорошили ее ответом.

– Как... не работает? Он же ваш хозяин.

– Хозяин? – удивился собеседник, – Вы что-то путаете, уж фамилию своего хозяина я знаю, если только он не сменился за последние полчаса. Говорю вам, у нас вообще никого нет с такой фамилией.

Она извинилась помертвевшими губами и медленно положила трубку.

«Ничего не понимаю, может быть, он работает в каком-то другом месте? Может быть, поменялся телефон? Но он мне ничего не говорил. Очень странно».

В свете открывшихся обстоятельств Нина не решилась звонить супругу с вопросами на «трубу». Она набрала номер одной из своих немногочисленных знакомых, жене друга Петра, с которой изредка перезванивалась. Их мужья трудились в одной сфере, и вполне возможно, что она прольет свет на эту запутанную историю.

– Привет, это Нина.

– Ниночка! – обрадовано воскликнула собеседница, – вы уже вернулись?

Нина собрала всю свою силу воли и ответила с уместным разговором деланным весельем:
– Да, вернулись.

«Интересно, а куда мы ездили?»

– Рада слышать. Как твой благоверный? Присмотрел себе что-нибудь?

«Я сейчас спячу, – подумала Нина, – что присмотрел?»

А собеседница продолжала щебетать:

– Ах, напрасно он продал свой салон, не время сейчас! Мой-то его отговаривал! Он не послушал! Мой так и сказал: «Считай, что Петька зарезал курицу, которая несет золотые яйца!» Ну да я уверена, выкрутитесь как-нибудь! Он же у тебя умный. Разберется! Ладно, бог с ними, с мужчинами и их делами, расскажи лучше, как съездили?

– Ой, – притворно воскликнула Нина, – у меня тут ... ванна переливается! Прости, я сейчас перезвоню!

«Зарезал курицу, несущую золотые яйца...» – крутилось в голове.

Нина положила трубку, подняла глаза и встретила взглядом с собственным отражением в зеркале.

– Курица, – с чувством сказала она своему отражению, – какая же ты курица!

Вечером она выложила Петру сразу все: и про драгоценности, и про звонок в автосалон, и про то, что узнала от знакомой.

Он пришел в неопределимую ярость.

– Ты! – орал он, – ты обвиняешь меня! Ты шпионишь за мной и расспрашиваешь каких-то дур! И веришь им! Я твой муж! Ты должна верить только мне!!! Да, у меня сейчас трудные времена! И я сделал то, что посчитал нужным! Понятно тебе? Ты думаешь, много удалось выручить за твои побрякушки? – неожиданно выпалил он.

– Так значит, это все-таки ты взял. Значит, ты – лжец и вор! – бросила она ему в лицо.

От возмущения она совершенно забыла, что дала себе слово быть сдержанной при любых обстоятельствах.

– Замолчи! – рявкнул он и вlepил ей пощечину.

У Нины потемнело в глазах. Ее никогда в жизни никто пальцем не трогал!

– Вор! – еще громче крикнула она и тут же упала, потому что муж схватил ее за шею и крепко приложил об стену.

– Вор! Вор! – удары сыпались со всех сторон, она даже не пыталась защищаться.

Он бил ее по лицу и плечам, по ногам и животу, все более распаяясь. Поняв, наконец, что она не сопротивляется и не реагирует, он напоследок отвесил уже совсем слабую затрепину и, тяжело ступая, вышел из комнаты.

Нина не знала, сколько времени прошло и долго ли она лежит, свернувшись, как спящий ежик. В голове не было ни единой мысли. Даже жалости к себе. Поняв это, она удивилась: «Странно, почему мне не больно?». Пошевелилась. Тело не слушалось. Попыталась встать. Сразу повело в сторону. Она схватилась за стену.

«Ничего, ничего, сейчас, сяду на диванчик», – подтянувшись на руках, кое-как села, и в тот же момент навалилась такая боль, что на глазах выступили слезы.

– Ну что, пришла в себя? – дверь открылась, заглянул Петр.

Увидев, что Нина полулежит на диване, подошел и сел перед ней на корточки, – ау! – он помахал ладонью перед ее лицом.

Она смотрела сквозь него безо всякого выражения.

– Да ладно тебе, – пытаюсь поймать ее взгляд, сказал он, – ну прости, я погорячился. Ты сама виновата, нечего было орать на меня.

Она молчала. «Какой-то чужой человек... как странно, это ведь мой муж, а мне кажется, что я вообще в первый раз его вижу».

– Ну, скажи что-нибудь, – он осторожно дотронулся до ее щеки.

– Не трогай, – сказала она каким-то сиплым басом.

– Ладно-ладно, – испуганно согласился он.

Она не шевелилась. Сидела, смотрела в одну точку и молчала.

Он заговорил, пытался что-то объяснить, говорил горячо и долго. Она не слушала его. Просто сидела и молчала. Он опять начал повышать голос, желая, видимо, получить хоть какую-то реакцию на свои слова.

– Я хочу встать, – вдруг заявила Нина, без всякой связи с его длинной речью. Встала, тяжело опершись на его поспешно протянутую руку, и шатаясь, пошла в ванную. Он увидел, что по ее ногам струится кровь.

Дальше была Скорая помощь, больница, какие-то манипуляции в операционной, белая палата.

Беременность сохранить не удалось. Она осталась к этому безучастна.

Петр приходил каждый день, ежедневно приносил розы, вставал на колени у ее кровати, по-собачьи заглядывал в глаза, бормоча слова покаяния, хватал за руки, прижимал к груди, как ребенок прижимает тряпичную куклу. Нина не сопротивлялась и никак не реагировала. Лежала себе и смотрела в потолок. Публичное посыпание головы пеплом и ведерные букеты не вызывали никаких эмоций. Она ощущала себя камушком на дне океана, куда сквозь голубую водную бескрайность с трудом пробиваются солнечные лучи, а зачем камню солнце?

Соседки по палате жаждали подробностей, но Нина молчала, не отвечая ни на единый вопрос.

– Ты спокойно можешь его засадить, напиши заявление в милицию, – советовали ей, так как всем вокруг было абсолютно ясно, что именно произошло между ней и ее мужем.

«Как в мыльной опере... – вяло думала Нина, – и чего им всем от меня надо?».

Сразу после выхода из больницы Нина позвонила отцу и попросила его срочно приехать. Отец немедленно примчался.

– Я больше не буду жить с этим человеком, папа, – твердо сказала она, – помоги мне, я уезжаю.

В тот же день она улетела из Москвы. Отец остался для выяснения обстоятельств.

Вернулся через несколько дней, постаревший и сердитый.

– Разводись, – только и сказал он.

Оказывается, ее любимый супруг уже давно не занимался никаким серьезным бизнесом, он вообще ничем не занимался, потому что плотно сидел на автоматах и рулетке. Свой салон промотал, удивительно, что не спустил украшения жены в первую очередь! Как она могла не замечать странностей в его поведении!

Что происходило до развода, Нина плохо понимала. Срочно прилетела мама из Чехии, через какое-то время появился Петр, они ходили в ЗАГС, писали заявление, отвечали на какие-то вопросы, в доме толпились родственники, тетя Мила и мама то ругались, то плакали, обнявшись на диване, и все, то ругались, то плакали, происходящее мелькало перед глазами, как при ускоренной перемотке пленки.

Их развели, не дожидаясь положенного срока. Для этого отцу Нины пришлось задействовать некоторые свои связи.

После развода Нина ожила. С ней вдруг началась дикая истерика, и она проплакала целую неделю, не подпуская к себе ни родителей, ни брата, ни подруг.

Нина открыла глаза, встала, подошла к окну. На улице всеми красками переливалась яркая южная весна. Глянула в зеркало, придиричиво посмотрела на отражение.

«Ну и вид, – подумала она, – да на кого же я похожа?»

Покинула свою комнату, прошла по дому, заглянула в гостиную. Отец, надев очки, читал газету и пил кофе.

– Пап, – сказала она, – давай начнем оформлять мои документы, – я еду в Чехию.

В Праге Нину встретила мама.

– Кошечка моя, девочка моя, – мама обнимала и целовала ее без конца.

Им еще предстояло добираться до Пльзени, но решили немного погулять по столице. Оставив багаж на вокзале, двинулись в сторону Вацлавской площади.

Несмотря на ранний час, улицы не пустовали: люди в синих комбинезонах и касках сосредоточенно орудовали мастерками, молотками и бог знает еще какими инструментами, с подножки подъехавшей машины спрыгнули оранжевые парни и с грохотом занялись мусорными баками. Мостовая с песчаными проплешинами тоже ремонтировалась. Кучи идеально обтесанных кубиков громоздились на каждом шагу, между ними лавировали прохожие, спешащие, видимо, на работу. В освещенных окнах полуподвальных этажей мелькали люди в белой униформе, занятые приготовлением еды. У дверей открывающихся кафе выставляли рекламные щиты, с оглушительным лязгом поднимали жалюзи, освежали окна, мыли, взбивая пену, абсолютно чистый тротуар. Казалось, что все жители города вышли на улицу, постепенно занимая свои места, словно недостающие звенья в цепочке. Там и сям на пути возникали деревянные и сетчатые заборы, ограждавшие опасные места, где велись ремонтные работы, дабы уберечь пешеходов от неприятностей.

Нина чувствовала себя, как рыба в воде: ведь у них летом в городе народу клубилось не меньше, только с той разницей, что толпу создавали не работающие, а отдыхающие.

Вышли к Музеуму на Вацлавскую площадь. Осмотрели знаменитый памятник Карлу IV, долго выбирали ракурс для фотографии. Вернее, пытались улучшить момент, чтобы поменьше людей попало в кадр. Но это оказалось пустой затеей: любимого всеми чехами и туристами короля невозможно застать в одиночестве независимо от погоды и времени суток.

Отправились вниз по площади, любуясь витринами.

Марина всего пару раз приезжала в Прагу, поэтому опасалась заблудиться в переплетении узких улиц. Но им без усилий удалось найти Старомесскую площадь, где они смешались с толпой, ожидающей боя курантов.

Пестрящие разноцветьем товаров ряды осматривали с большим интересом, чем городские красоты.

– Может, стоит заняться торговлей сувенирами? – предложила Нина.

– Это хороший бизнес, но сюда же не пробьешься, да и аренда наверняка заоблачная.

Мама с дочкой гуляли по незаметно заполнившимся народом улицам, пока не проголодались. Пройти мимо гостеприимно распахнутых дверей маленьких сувенирных магазинчиков не получалось, они не пропустили ни одного. Поэтому к Карлову мосту вышли в самый разгар наплыва туристов, пробираться пришлось ввинчиваясь между людьми, ежеминутно уверачиваясь и извиняясь. Рассмотреть знаменитую достопримечательность и разобраться, что тут продают, было непросто, но в общих чертах стало понятно: в основном картины с видами Праги и украшения.

– Ну, хватит, – выбравшись на простор Малостранской площади, заявила Марина, – я просто с ног падаю. Где тут метро? Надо найти, поедem в гости.

Нине удалось убедить маму, отложить визит к знакомым. Ей совершенно не хотелось кого-то навещать. Наверняка начнутся расспросы, ведь о ее неудавшемся браке знал весь городок, значит, и здесь все знают. Понятно, что избежать разговоров не удастся, но пусть это произойдет не сегодня.

Марина не стала спорить.

Первые дни были посвящены прогулкам по достопримечательностям и магазинам, встречам со знакомыми и разговорам, разговорам, разговорам. Нине пришлось всерьез запастись терпением, чтобы выслушать всех, кто хотел высказаться.

Кто бы мог подумать, ведь такая приличная семья!

Досталось тебе, бедная девочка!

Его родители просто убиты горем!

Не расстраивайся, все будет хорошо!

У его матери глаза на мокром месте, она не может оправиться от потрясения, хоть бы не заболела от переживаний!

Как только ты смогла выдержать все это?

Никого не пожалел! И о сестрах не подумал, как им теперь замуж выходить?

Хорошо, хоть не убил, не покалечил!

Позор, позор! Как таких земля носит?

Ты красавица, еще найдешь достойного мужчину.

И так далее.

Нина была бесконечно благодарна маме, что хоть она не затрагивала эту тему. Ну, а знакомые просто не могли оставить произошедшее без внимания. Нравы и обычаи городка, где каждый знал про всех абсолютно все, прекрасно прижились и за тридевять земель. Поэтому Нине пришлось с подобающим выражением лица просто пережить этот кусок жизни.

Ей хотелось думать, что весь этот кошмар случился не с ней, она просто запретила себе вспоминать Петра и старалась вычеркнуть его из памяти.

Когда интерес к ее персоне в связи с неудачным браком пошел на спад, Нина смогла, наконец, почувствовать себя свободной от обязанности принимать соболезнования.

Все приличия были соблюдены, можно надеяться, что о ее скандальной истории постепенно перестанут вспоминать.

Марина с Ниной отправились путешествовать по стране. Прагу они уже посетили не один раз, дальше – Карловы Вары.

Как же им тут понравилось! Прекрасные виллы, множество целебных источников, чистейший воздух. Просто рай. Праздношатающаяся публика напомнила родные края. Все домашнему, просто и понятно: курорт.

Может, стоит подумать всерьез об этом городе?

Возле православного храма Петра и Павла Нина с мамой обратили внимание на небольшую виллу, находящуюся в обидном запустении. Розовые стены без видимых повреждений, но покрыты пятнами сырости и ожогами недавнего пожара. Оконные стекла разбиты, черепица на маленьких угловых башенках и крыше смотрится вполне прилично, правда, ее терракотовый цвет бесцеремонно и обильно разбавлен ядовито-зеленым за счет прекрасно прижившегося мха. Двор, огороженный ржавыми полуразвалившимися решетками, зарос буйной растительностью, поглотившей весь первый этаж и уже тянущей зеленые щупальца ко второму. На фронте, украшенном пятью зубцами, значилось название: Брно. Вилла нежилая, но явно знававшая лучшие времена.

– Какая прелесть, – ахнула мама, – и какая разруха. А представь, если выкупить такую виллу, привести в порядок, можно отель открыть.

– Мам, на это же куча денег потребуется!

– Вы ошибаетесь, пани, – вмешался в их разговор пожилой мужчина, – простите, что я так бесцеремонно... Но если вас интересует эта вилла, то могу сообщить, что стоит она очень дешево, всего миллион крон. А все потому, что наследники никак не могут помириться. Их слишком много, и все между собой судятся. Дела запутали так, что уже никто не понимает, кому какая часть принадлежит. Боюсь, что гораздо больше денег уйдет, чтобы погасить меж-

родственные распри. Вот и не находится охотников. А виллочка ветшает без хозяина. Ах, какая досада, сердце кровью обливается, такая красота гибнет! И бездомовцы (*бомжи*) повадились ночевать там, видите, пожар устроили, злодеи. Весь город переживает, а сделать ничего нельзя!

Марина немедленно засыпала случайного собеседника вопросами. Оказалось, пожилой пан уже много лет проживает в стране. Раньше работал в Праге, сейчас перебрался сюда, и несказанно рад поговорить с соотечественницами.

Как раз наступило время обеда, в двух шагах от виллы Брно очень кстати оказался ресторан.

Пан с удовольствием принял приглашение, но заплатить за свою еду не позволил.

– Что, вам сказать, родные, – говорил он, – здесь хорошо тем, у кого есть деньги. Ничего нового, везде одинаково. Если хотите открыть свое дело, сначала надо вложиться. И не факт, что удастся получить прибыль. Нужно время и терпение.

– А во что имеет смысл здесь вкладывать деньги?

– Здесь, в Варах, да и вообще весь северо-запад – это туристы, источники, лечение. Значит, что нужно? Развлечения, еда, сувениры, жилье. Сейчас, после реституции (*реституция – возврат прежним владельцам зданий при денационализации*), много вилл пустует. Будете гулять, приглядитесь повнимательней.

Попрощавшись со словоохотливым паном, уже более осознанно прошлись по городу. Действительно, на многих воротах красовались объявления о продаже, а наличие зеленых зарослей, доедавших едва видневшиеся облупившиеся стены вилл, и без всяких объявлений делали серьезную заявку на немедленную передачу прекрасных зданий в заботливые руки.

– Ну и почему бы нет? – рассуждала Марина, – столько предложений, вполне можно подумать об отеле. Надо все посчитать. Как вариант, вполне годится.

В следующее путешествие решили ехать на машине, взятой напрокат. Так как собирались посетить несколько городов, такой вид транспорта представлялся более удобным. Путь лежал на восток, через Ческе-Будеёвице, Брно, Оломоуц в Оставу. Поездка планировалась, как деловая, но получилась развлекательной, потому что никакими делами мама и дочь не занимались. Просто ехали себе, болтали, строили планы и любовались проплывающими за окном пейзажами, останавливаясь, например, у развалин замка, или у придорожного кафе. В упомянутых городах любовались достопримечательностями, навещали знакомых, задерживаясь не более чем на день-два. Назад вернулись по той же дороге, но, уже без остановок.

И если бы не дорожные впечатления – Чехия все-таки очень красивая и интересная страна – можно было бы сказать, что они и не выбирались из Пльзени. Встречи с земляками были сами по себе желанными и радостными, но никакой ценной информации и свежих идей получить не удалось.

Нина слонялась по пустой квартире. Мама уехала в Россию, она осталась в Чехии. Что там, что здесь, делать абсолютно нечего. Можно, конечно, вернуться домой, поработать в своем кафе на побережье, но сезон на исходе, нет смысла тратиться на дорогу ради нескольких недель. И вообще, зачем метаться взад-вперед?

Надо искать какое-то занятие здесь. Но язык! Как работать, не зная ни слова?

Нина не в первый раз бралась за учебник чешского языка, но дальше рассматривания картинок не продвинулась. Как только она пыталась сосредоточиться на тексте, моментально возникало 101 желание: покурить, выпить воды, выглянуть в окно, поесть, причесаться, расправить складки занавески, протереть пыль и так далее. Нет, учеба, точно не для нее.

Выглядывая в окно, она наблюдала за прохожими и натурально завидовала им.

Вот стайка девчонок-подростков, бурно жестикулируя, обсуждают свои дела. *И у меня было много подруг.*

Дворняга на поводке деловито таскает за собой болтающую по телефону толстую в неимоверно обтягивающей футболке. *А мне и позвонить некому. И почему, интересно, ей никто не скажет, что нельзя в таком виде выходить на улицу?*

Из остановившейся машины выбирается щеголь с папкой и озабоченно пытается что-то найти в карманах. *Деловой человек, а у меня нет никаких дел!*

Дама несет продукты в расписном пакете из супермаркета, наверняка собирается приготовить что-то вкусненькое. *Может и мне что-нибудь приготовить? Зачем? Для кого?*

Молодые мамы с колясками, вероятно, идут в скверик. *У меня тоже мог сейчас быть ребенок, и я так же гуляла бы с ним... Стоп! Я не буду об этом думать!!! Совершенно необходимо чем-то заняться, иначе сойду с ума от безделья.*

Что можно высидеть, проводя день за днем в пустой квартире? Надо начать что-то делать, тогда и жизнь наполнится событиями.

Нина обзвонила пражских знакомых с просьбой: помочь в поисках работы и жилья.

Долго дожидаться не пришлось. Через несколько дней, заполненных, как обычно, тягучим ничегонеделаньем, позвонила дочь земляков, Ирина.

– Здорово, что ты здесь. Давай, дуй в Прагу, есть квартирка, я ищу соседку, потому что платить за нее самой – дорого, – без обиняков объяснила Ира, – понравится – поселимся вместе.

– А работа? – спросила Нина.

– Ее гораздо проще и быстрее получится найти, если ты не будешь сидеть, как репка на грядке.

Это правильно. Никто не обязан суетиться и приглашать ее на все готовое.

Договорились о встрече.

Собрав минимум самого необходимого, Нина отправилась в Прагу. Если все сложится, она привезет остальные вещи позже, ни к чему таскать с собой все барахло, которого у нее немало.

Ира встретила ее объятиями и горячими поцелуями. К собственному удивлению, Нина была несказанно рада видеть Ирину, хотя дома при встрече они всего лишь обменивались улыбками и вежливыми кивками, даже не всегда останавливаясь поболтать.

Нина не сразу распознала в налетевшем на нее вихре, затянутую с ног до головы в черную кожу, Иру. И если раньше та, обыкновенно отдавала предпочтение подчеркнуто женственной одежде, согласно принятым в их среде понятиям о том, как должна выглядеть девушка из приличной семьи, то сейчас она больше походила на юркую блестящую ящерицу, по недоразумению прыгающую на задних конечностях. Вместо длинных каштановых волос – короткая стрижка. Вместо сумки – холщовая торба с каким-то неприличным рисунком. Единственное, что осталось от прежней Ирины – огромные солнцезащитные очки, которые девушка не снимала даже в самый пасмурный день. Нина, как ни пыталась, так и не смогла вспомнить, какого же цвета у нее глаза.

– Мои тоже кукуют в Пльзени, – скороговоркой рассказывала Ира, – по бумагам все в ажуре: открыли фирму, считается, что работа есть. А на самом деле – нулевой отчет, благо первый год налогов платить не нужно. Через год мы с достоинством скрахуем (*разоримся*), ликвидируем фирму и, не сходя с места, зарегистрируем новую. Так можно тянуть до бесконечности. Из-за этих махинаций приходится кормить личного бухгалтера, в нашей, так называемой, фирме, только он один и получает доход.

По такой схеме, за редким исключением, развивалась деловая жизнь у всех, кто выбрал путь легализации через фирму, а не через фиктивный брак. Во время их с мамой «деловой» поездки им бесконечно рассказывали однотипные истории о «фирмах», которые являлись зацепкой и прикрытием для узаконенного нахождения в стране. На самом деле фасад в виде

«фирмы» являлся чистой бутафорией и ловушкой: существовавшее только на бумаге предприятие не давало возможности легально работать где-то в другом месте.

Устроиться на работу в школу – Ира имела диплом по специальности учитель истории – как минимум без его подтверждения, а как максимум, без окончания соответствующего местного ВУЗа, было невозможно. Ей, отработавшей в школе, без малого, пять лет, совершенно не хотелось снова обучаться профессии, которая у нее уже имелась. Кроме того, пойти учиться, означало сесть на шею родителей, а этого она никак не могла допустить.

Помыкавшись приличное время в поисках хоть какой-то работы, Ира убедила родичей отпустить ее в Прагу, где с решением этого вопроса дела обстояли гораздо лучше. Через разветвленную цепь старых и новых знакомых удалось неплохо устроиться в конторе, распространявшей рекламные листовки.

После прогулки по центру города каждый становился обладателем стопки флаеров или, на чешский манер, летяков. Их раздавали на каждом углу, и Нина всегда удивлялась упорству, с которым переводили такую прорву бумаги. Обычно разноцветные листочки выбрасывались в ближайшую урну, их содержанием мало кто интересовался. Во всяком случае, она всегда делала именно так.

Ирина не стояла на улице с листовками, она разбиралась с заказами, раздавала задания распространителям и контролировала их работу. За полгода безо всяких усилий как-то сам собой набрался необходимый минимум языка.

– Если захочешь, можешь постоять на летяках, – предложила она, – график свободный, оплата каждый день. Правда, заработок не бог весть какой, но надо же с чего-то начинать.

Нина скривилась:

– Раздавать листовки?

– Я не заставляю, – пожала плечами Ира, – я говорю: если захочешь...

Они быстро – темп задавала Ирина – шли мимо красных колонн вестибюля вокзала в сторону эскалаторов, ведущих в метро.

– Куда мы так спешим?

– Ой, прости, – улыбнулась Ира, переходя с галопа на шаг, – привыкла носиться, как на пожар, с этой работой, все и вся надо ежеминутно контролировать.

«Подумаешь, бизнес-леди, – с неудовольствием подумала Ниночка.

Надо сказать, что Ирина несколько разочаровала ее. Ну, кто так встречает старых знакомых? Схватила в охапку и потащила, не дав опомниться! И сразу заговорила о делах! Ни одного вопроса не задала, а ведь сначала нужно было, как минимум, поинтересоваться здоровьем и делами родителей, или хотя бы спросить как, она, Нина, доехала, наконец.

Они спустились на станцию метро и сели в вагон поезда.

Пражское метро тоже не произвело впечатления. Ничего похожего на подземные дворцы, как в Москве, не было и в помине.

Вышли на станции Кржижикова. Облицованный терракотовым стеклом вестибюль был абсолютно пуст. Ирина объяснила, что народ тут появляется только в часы пик, а днем, действительно, станция частенько совершенно безлюдна. После толчеи московского метро это выглядело удивительно.

Едва выбравшись на поверхность, Ирина закурила. Нина сделала круглые глаза.

Никто из знакомых девушек никогда так не делал. Даже женщины постарше обычно не курили в присутствии мужчин. Это было бы прилично только во время посиделок за чашкой кофе, но никак не на виду у всех и, тем более, на бегу.

Вообще курение – это ритуал, требующий определенных церемоний. У Нины был очень красивый кожаный футляр для сигарет и длинный мундштук, которым, впрочем, она уже давно не пользовалась. Но дома считалось большим шиком курить через мундштук, и чем он был длинней, тем лучше.

Когда Нина обучалась в школе гейш, ей очень понравились рисунки, изображающие японок, с курительными трубками. Длинный мундштук венчала крошечная чашечка, смотрелось это просто бесподобно. Нина даже задумала стать законодательницей новой моды и произвести впечатление на подруг в родном городке столичными изысками. Трубочный табак, однако, оказался слишком крепким. Очень досадно, тем более, что к трубке полагалось множество интересных аксессуаров. Ниночка немедленно накупила разноцветных ершиков, изящных баночек для табака, кинула в сумочку прелестный кисетик. Но, скрепя сердце, пришлось остаться верной сигаретам, только она перешла на длинные, с которыми казалась себе весьма соблазнительной. А как, скажите на милость, можно быть соблазнительной, несясь во весь дух с сигаретой в зубах? Однако она не сказала Ирине ни одного неодобрительного слова.

– Пришли, – объявила Ира и открыла дверь, ведущую под арку, миновав которую они попали во внутренний двор. С улицы дом выглядел весьма солидно, однако дворик был хоть и чистенький, но стены пятнисто-неопределенного цвета портили впечатление и смотрелись трущобами.

Пока добирались, Ирина успела рассказать, что до недавнего времени делила жилье с компаньонкой Лизой, которая месяц назад укатила в Америку. У нее появился весьма перспективный бойфренд, он-то и утащил ее за собой.

– Крутейший мен, – трещала Ирина, – упакованный по полной программе, женатый, правда, но это неважно! Он вцепился в Лизавету, как черт в грешную душу, сделал документы, даже учителя английского нанял. Запал по самую макушку, хотя, честно сказать, у нее ни кожи, ни рожи. До сих пор удивляюсь! Ввел в состав фирмы и увез в качестве ответственной секретарши, – Ира язвительно усмехнулась, – Ответственная Лизка! Самый короткий анекдот! Вечно без денег сидела, постоянно сигареты у всех стреляла. Ни на одной работе больше трех дней не задержалась! Мне так и осталась должна, хотя в последнее время была при пенизах (*при деньгах*). А уж грязнуха! Еле отмыла дом после нее, три мешка мусора выгребла! Никогда не пойму мужиков! Что он нашел в этой раздолбайке?

Добрались до последнего этажа. Отперев дверь, Ира церемонно пригласила в квартиру:

– Добро пожаловать!

Нина вошла в полутемный узкий тамбур. Ира легонько подтолкнула ее в спину:

– Проходи, в комнату. Здесь – что-то вроде кухни.

Она продемонстрировала скрывающуюся за занавеской нишу с тумбой, на которой ютилась плитка с двумя конфорками и электрический чайник. Над тумбой располагался миниатюрный стенной шкафчик.

– Ты тут готовишь? – с недоумением спросила Нина, – тут же повернуться негде! А где духовка?

– Вот еще! – фыркнула Ирина, – Зачем готовить-то? Я – одна, мне много не надо. В любой самообслуге продается куча салатов и быстрорастворимых супов, нет никакого смысла возиться.

Нина не верила своим ушам. Если бы Ирина осмелилась публично сказать подобное в их родном городке, она покрыла бы себя несмываемым позором на веки вечные. Ни одна женщина в их краях ни за что не призналась бы в таком грехе, как покупка готовой еды.

Длина тамбура укладывалась от силы в три Ниночкиных шага, пройдя его, она очутилась в просторной светлой комнате, служившей одновременно прихожей, гостиной, спальней, столовой, и чем угодно еще – она была единственной. Чистота здесь царила просто идеальная, видимо, Ирина все-таки не растеряла навыков хорошей хозяйки, привитых ей с детства в родительском доме. Шкаф, кровати, раскладной стол, три пластиковые табуретки – все белого цвета, включая стены, ковровое покрытие, занавески и постельные покрывала. На снежные просторы с вершины айсберга-холодильника черным оком циклопа взирал маленький телевизор. Еще одним пятном выделялась высокая ширма, весьма сложной расцветки, совершенно не

вписывающаяся в строгую черно-белую гамму комнаты. Обширные, неопределенной формы бурые проплешины на створках закрывали полустертые рисунки, изначальный черный фон едва угадывался. Впрочем, приглядевшись, можно было рассмотреть мужские фигуры в просторных халатах, безмятежно гуляющие под зонтиками.

– Ой, – досадливо махнула рукой Ира, – Глаза бы не глядели на эту рухлядь! Сплошные лишаи да короста! От Лизки осталось, с паршивой овцы хоть шерсти клок. Эта охламонка уверяла, что ширма антикварная и стоит немалых денег. Что-то плела про фамильные реликвии. Ума не приложу, зачем было переть подобную, я извиняюсь, реликвию, из России. Никак не решу, что с ней делать. Может, она будет смотреться пристойней, если покрасить? Все руки не доходят. Или отнести в старожитнищце (*антикварный магазин*), в мебельную комиссионку или вообще в заставарну (*ломбард*). А еще лучше не возиться и выбросить.

Пока не нашлось времени избавиться от потрепанного пера, оброненного из хвоста Жарптицы Лизаветы, ширма использовалась по назначению и прятала за своими шестью створками две свежеразкрашенные в тон белым стенам двери. За первой обнаружили «удобства»: туалет, угловая раковина микроскопических размеров, сливное отверстие в плиточном полу и душ, пристроенный практически над унитазом. Над раковиной висели крошечные полочки, более уместные в доме куклы Барби, там Ирина держала, как она выразилась, «рыльно-мыльные причиндалы». Благодаря приоткрытому квадратному оконцу, на подоконнике которого в глиняных горшочках расположилась зеленая семейка прекрасно ухоженных растений, в «ванной комнате» не витало никаких запахов, свойственных открытым стокам. За второй дверью оказалась кладовка с множеством полок, уставленных коробками. Также здесь помещалась вешалка для верхней одежды, полка для обуви, небольшая стиральная машина, пылесос и разные хозяйственные приспособления.

– Ну как тебе моя берлога?

Несмотря на убогость обстановки, Нине здесь понравилось, и ни капли не смутило, что придется делить на двоих одну комнату. В конце концов, если что-то не устроит, она поищет другой вариант. Или вообще вернется в Пльзень.

Она дала согласие.

– Отлично, – обрадовалась Ира, – Тогда подробности обсудим вечером, я должна бежать. Вот, – она протянула ключ, – это твой. Вдруг захочешь выйти. Как добратся, запомнила? Давай, на всякий случай напишу адрес.

Она подскочила к столу, черкнула пару слов на листочке, – кстати, у дома два номера: красный и синий. Тебе нужен синий, это номер дома по порядку. На красный не обращай внимания, а то заблудишься. Это номер кадастрового реестра, за чем-то они его тоже вешают, только народ путают. Все, я побежала, прости, что спешу, но работа есть работа. Вечером увидимся. Агой! (*Привет!*)

Ира схватила торбу и убежала. Хлопнула дверь. Ниночка вновь осталась одна.

«Могла бы проявить больше учтивости, прямо такая работающая, что на гостей времени нет!» – она вздохнула и расстегнула сумку. Нужно было обживаться на новом месте.

Следующие дни были заполнены какими-никакими делами. Для истомившейся от безделья Ниночки появившиеся хлопоты были, как глоток свежего воздуха. Она наведлась в Пльзень, стараясь учесть все случаи жизни, собрала вещи. Когда же эта недолгая суэта закончилась, она принялась изучать район, в котором предстояло жить.

Здания здесь тянулись сплошной стеной, прерываясь только переулками и отличаясь цветом фасада. С первого взгляда невозможно было разобраться, какая именно дверь приведет во внутренний двор к входу на лестницу, а какие принадлежат конторам, магазинам или ресторанчикам. Последних здесь было великое множество, они попадались на каждом шагу и нико-

гда не пустовали. Район выглядел весьма обжитым, но запущенным, хотя было видно, что властями прилагаются усилия по приведению его в порядок.

Нина обошла магазины, постаралась запомнить, где что продается, набрела на сквер перед двубашенной базиликой, сама не зная для чего, заглянула внутрь, прогулялась пешком вдоль трамвайных путей, прошла под каким-то старинным виадуком и, миновав очередной квартал старых домов, вышла на большую площадь, где располагался вход в метро Флоренс и супермаркет Дельвита. Возвращалась она по другой улице, но никакой разницы не заметила: те же разрисованные граффити фасады старых домов, яркие разноцветные мусорные контейнеры, предназначенные каждый для определенного вида отходов, частые ресторанчики с грифельными досками у входа, где обозначались цены на пиво, вереницы припаркованных машин, строительные леса и телефонные будки. Нина дошла до своей станции метро, зачем-то свернула и через пару кварталов вдруг очутилась перед полукруглой аркой, оказавшейся входом в Карлинский туннель, который соединяет два района Праги – Карлин и Жижков. Эти районы никак не могут прийти к согласию и с момента постройки туннеля оспаривают его название. Каждый считает достопримечательность собственностью своего района, и убежден, что она должна носить именно его имя. Нине туннель показался таким мрачным и страшным, что она не решилась пройти по нему в одиночку.

Первоначально прогулки задумывались с целью поисков работы, например, продавщицы, но перед ней опять встала стена в виде полного отсутствия возможности коммуникации.

С Ирой они виделись только по вечерам, та убегала на работу рано, и старалась не разбудить соседку. По возвращении ее всегда ждал ужин, после которого девушки долго болтали и засиживались допоздна. Для создания уюта Нина зажигала свечи, которых, слоняясь по магазинам, накупила целую коллекцию.

«Прямо как в Москве, – думала она, – там была та же история: ужин со свечами, только таких задушевных разговоров с Петей не получалось».

С помощью Иры, знающей всех и вся, Ниночка быстро перезнакомилась со сверстниками и легко вписалась в русскоязычную тусовку. Она стала пользоваться бешеным успехом у молодых людей, восстановив, таким образом, статус первой красавицы.

Все было прекрасно: и заполненные развлечениями вечера, и восторженные поклонники, и вернувшаяся беззаботность, но вот только приходилось постоянно тянуть деньги с маминого счета, и это обстоятельство очень огорчало Нину.

Иногда она выходила с листовками на улицы, но делала это исключительно для очистки совести. Несерьезное занятие кроме скромных доходов приносило щедрые дивиденды в виде комплиментов и восхищенных взглядов, а то и приглашений на свидания, что, конечно, было приятно, но какой от этого толк?

Как-то, избавившись, наконец, от надоевших листовок, Нина отправилась на Мало-странку (*Мало-странская площадь*) в Собор святого Микулаша, где собиралась послушать ограннный концерт. Не то чтобы она любила органную музыку, но раздавая сегодня зеленые листочки, обратила внимание, что их содержание вызывает живой отклик. Некоторые туристы даже обращались к ней с вопросами на своей тарбарщине. Она могла ответить только извиняющейся улыбкой, ну, в крайнем случае, присовокупив нэрозумим (*не понимаю*), произнесенное с самым сокрушенным видом. Нина редко проявляла интерес к тому, что именно она так настойчиво рекомендовала прохожим. Вопреки обыкновению, полюбопытствовала: Johann Sebastian Bach Toccata and Fugue in d minor – сразу бросалось в глаза, так как было набрано самым крупным шрифтом, дальше буквы становились мельче, но в каждой строке стояло имя: Johann Sebastian Bach.

– Чем дома сидеть, пойду и послушаю, – решила она, – все так ахают, наверное, что-то особенное.

Тратить вечер на телевизор не хотелось, А ничего более увлекательного на сегодня не предвиделось.

Однако интерес к органной музыке угас сразу, как только выяснилось, что билеты отнюдь не дешевы. Деньги, конечно, имелись, но Нина старалась экономить. На эту сумму лучше купить приличную помаду, она как раз присмотрела нужный оттенок. Решительно сделав выбор не в пользу Баха, девушка подумала, что чашка кофе уж точно ее не разорит, и расположилась за столиком уличного кафе под сводами небольшой галереи напротив Собора.

«Кофе так себе, я лучше варю», – думала она, – «а чашечка красивая... и хорошо, что я не иду на этот концерт, я же не одета. Хотя, кто меня там увидит? Да и одеваются тут все, кто во что горазд...»

– Нэушкодим вам (*я вам не помешаю*)? – к ее столику подошел молодой мужчина, – мужу се седноут (*можно присесть*)?

– Дикуи (*спасибо*), – гордо продемонстрировала Нина половину своего чешского словарного запаса, – кофе очень вкусный, – не обратила внимания, но вроде бы ее обслуживал другой официант.

– О! Ты русская, – засмеялся «официант», – можно? – и, не дожидаясь разрешения, уселся напротив, – Максим, – бесцеремонно протянул он руку.

Нина оставила руку без внимания – еще не хватало! – и послала ему холодный взгляд:

– Я тебя не приглашала.

– Так пригласи! – он жестом подозвал официанта, быстро сделал заказ, – скленице минералки, просим (*стакан минералки, пожалуйста*), – и продолжил с обезоруживающей улыбкой, – Ты мне понравилась, уж не сердись и не подумай ничего плохого! Чудесный вечер, прекрасное настроение, почему бы не познакомиться? Я не официант, – он снова рассмеялся.

– Извини, – надменно уронила Нина, – я просто не поняла, о чем ты говоришь, задумалась...

– Да пустяки! Бывает! – отмахнулся Максим, – знаешь, я тебя заприметил еще у входа в Собор. На концерт идешь?

– Нет.

– Зря, – уверенно сказал Максим, – Это стоит услышать. Может, передумаешь?

Нина пожала плечами. Не рассказывать же первому встречному о том, что жаль денег на билет, хотя засомневалась: так ли уж ей нужна эта помада? Максим был из тех людей, которые безо всяких усилий вызывают симпатию. Абсолютно не красавец, но уже на второй минуте разговора это перестает замечать.

– Ну..., – неопределенно протянула она, – ... не знаю. Я...

– Пойдем, – не дослушал он, – я приглашаю.

Мужчина оставил деньги на столе, чтобы не дожидаться официанта, пока девушка не передумала. И, схватив ее за руку, решительно увлек за собой.

«Даже имени не спросил, – удивилась Нина, – на концерт пригласил, за кофе заплатил, как мило!»

Они протиснулись через толпу перед входом и пробрались внутрь. Нина заметила, что Максим перемигнулся с девушкой, продававшей билеты. Свободные места удалось найти не сразу, народу собралось уже прилично. Едва они устроились, концерт начался.

Максим оказался прав: это действительно было великолепно. Раствориться в чудесной музыке, наполнившей огромный собор, мешал только всепроникающий холод, немедленно забравшийся под легкое пальтишко. Впрочем, это дало возможность прижаться к теплому боку Максима. Вторую половину концерта Ниночка, махнув рукой на приличия, вообще провела в объятиях молодого человека – замерзла так, что зубы начали выбивать дробь, создавая диссонанс звучащим аккордам.

Домой отправились пешком, погружившись в сгустившиеся теплые сумерки.

– Нас пропустили без билетов, – затронула Ниночка волнующий ее вопрос, – почему? Откуда ты знаешь эту девицу?

– Это жена одного художника, он торгует на мосту.

– А с ним как познакомился?

И Максим рассказал, что благодаря другу, который живет здесь уже лет десять, он пере-знакомился со многими местными художниками.

Когда-то они учились в знаменитой Строгановке. Потом их дороги разошлись: Макс остался в Москве, Артем, так звали приятеля, уехал в Прагу.

Последние годы учебы Макса и Артема пришлось на начало перестройки.

Независимая художественная сфера в России складывалась и самоорганизовывалась уже давно, и дело было не в оппозиции социалистическому строю. Это был, скорее, образ жизни, ведь чтобы пробиться к публике требовалось преодолевать цензорские препоны, что вызывало общее отвращение. До перестроечной вседозволенности андеграунд существовал как бы в подполье, поскольку дерзкие выплески самолегализации всегда заканчивалась репрессиями.

Макс и Артем мотались между Ленинградом и Москвой: были завсегдатаями квартирных «антивыставок», распространяли самиздатовские книги запрещенных писателей, участвовали в спорах о девальвации художественных стилей, в акциях, пародирующих серьезные правительственные инициативы. Дряхлеющий режим уже не обнажал клыки в злобном оскале и все реже размахивал карающим мечом над головами инакомыслящих. Под натиском вырвавшейся из подполья силы рухнули последние табу, ранее наглухо защищенные барьерами цензуры.

Это было прекрасное время! Вся страна находилась в ожидании перемен. Казалось, что вот сейчас в эпоху наступившей гласности все изменится, и жизнь заискрится радужными красками под звуки официально легализованного рока.

Ощущение праздника длилось ровно до того момента, когда эпоха развитого социализма вдруг по щучьему велению трансформировалась в дикий капитализм. Государственное финансирование сократилось, крамольные темы, ранее вызывавшие интерес, постепенно исчерпали себя, тотальный рост цен диктовал условия и заставлял выживать. Одним словом, пьянящее чувство свободы сменилось сначала недоумением, потом разочарованием, а потом и вовсе перешло в отчаяние.

Наступил кризис. Народу было не до искусства.

Как только появилась возможность, Артем уехал из страны. Прокормиться ремеслом художника стало невозможно. И если раньше легко удавалось найти шабашки, расписывая стены в школах, детских садах или, других подобных учреждениях, сейчас спрос на это иссяк. И даже на работе – он трудился в цеху, где изготавливали театральные декорации – он и его коллеги частенько сидели без дела, потому что театры, переведенные на самокупаемость, задыхались и экономили каждую копейку. В прежние времена для нового спектакля отрисовывались эскизы, делались макеты, создавались оформительские элементы, расписывался задник. Это была захватывающая работа: вдохновение, споры, ночи без сна. Теперь же мало того, что денег на декорации не хватало и приходилось перекраивать и приспособливать то, что имелось в наличии, но и премьер почти не случалось, интерес к театру медленно угасал.

Страсти, связанные с цензурой давно улеглись, твори, что хочешь, продавай, кому пожелаешь. Только вот продавать стало некому. Среди вчерашних соратников начался разброд и шатание: кто-то пытался держаться на плаву, штампуя низкопробный ширпотреб или откровенную похабель, кто-то забросил кисти и холсты и занялся коммерцией, кто-то спился, кто-то связался с криминалом, а кто-то подался, как тогда говорили, «за бугор».

Артем отправился в Прагу к бывшему однокашнику, родители которого уже много лет трудились на благо чешско-российской дружбы на улице Юлиуса Фучика в Москве (*посольство ЧР*). Прекрасно говорящий по-русски Матей, всегда был в доску своим парнем. И даже после окончания учебы остался не просто закадычным приятелем, с которым когда-то нарушали безобразия и пьянствовали водку, он был соратником и единомышленником, связанный яркими воспоминаниями времен их полуподпольных тусовок.

Матейка принял старого друга очень радушно, помог с жильем и документами, построил каким-то заштатным работником сцены в третьеразрядный театрик, отрекомендовав, впрочем, как талантливого русского художника.

И дела пошли! В театре Артем вскоре завоевал всеобщее уважение, не без помощи Матея появились знакомые, через которых удалось продавать работы. Правда, приходилось «гнать конъюнктуру»: малевать идилические картинки Праги для туристов. Ему категорически не нравилось тиражировать одни и те же пейзажи, но на них имелся спрос. В надежде подняться над монотонным лязгом конвейерного процесса, он обратился к галереям, методично обошел все, найденные в справочнике. Наконец, у него приняли несколько холстов с милой абстрактной мазней. Потом он предложил вниманию публики нечто, в стиле «Иррациональность приводит к новому опыту». Продолжил в том же духе и через некоторое время вдруг стал очень востребован: появились частные заказы, а вокруг, как мошки у горящей лампы, вдруг закружились агенты, почуявшие поживу. Из ниоткуда возникли клиенты среди коллекционеров, консультируя их, Артем, шаг за шагом, приобрел славу специалиста экспертного уровня.

Из театра пришлось уйти, работа очень нравилась, но на нее просто не оставалось времени. Артем оборудовал мастерскую, и погрузился в творческий процесс.

Его заметили, о нем заговорили.

Несколько бессонных ночей прошли в радостно-лихорадочном возбуждении, после обрушившегося, как ком с горы, предложения Института изобразительных искусств Саарбрюкена прочесть несколько лекций о концептуальном искусстве. Пошарив глазами по карте, Артем обнаружил город, о котором никогда раньше слыхом не слыхивал, на границе Франции и Германии. Его удивлению не было предела, естественно, он согласился. И, хотя пришлось воспользоваться услугами переводчика, и это был первый опыт публичного выступления подобного рода, все прошло замечательно. Следующий раз так далеко ехать не пришлось: им заинтересовался Пльзеньский Западно-чешский институт. После столь удачного дебюта на новом поприще, пришла уверенность в собственных силах, и новые приглашения перестали быть поводом для бессонных ночей. А когда его отрекомендовали студентам Высшей школы прикладного искусства в Праге как представителя постмодернистского направления в живописи, стало окончательно понятно, что, как художник, он состоялся.

Артем даже начал подумывать о написании книги. Только никак не мог определиться с жанром: то ли это будет монография об искусстве предперестроечного периода, то ли мемуары о собственной жизни.

Максим не захотел уезжать, хотя разговоров на эту тему велось немало. В отличие от многих, у него все было в полном порядке, никаких финансовых затруднений он не испытывал.

Его отец, заслуженный художник СССР, действительный член Академии художеств и прочая прочая прочая, никогда бы не допустил, чтоб его сын в чем-то нуждался. На студенческие шалости Макса он смотрел сквозь пальцы, считая, что молодость для того и существует, чтобы бунтовать, и не раз вызволял смутьяна и его приятелей, если возникали осложнения.

Ему самому было что порассказать о беспокойной юности, которая прихлянула на хрущевскую оттепель. Выставку в манеже, разгромленную советским лидером и бульдозерную акцию по уничтожению самовольной выставки современного искусства, а также последовавшие за

этим четыре часа свободы в Измайловском парке, спешно организованные властями, спохватившимися, что собственными руками прославили на весь мир этих хулиганов, он прекрасно помнил. Очень повезло, что его, как многих участников, не выслали из страны и не засадили в кутузку. Поразмыслив, он решил, что переть на рожон и конфликтовать с системой – глупо, сложить голову в этой неравной борьбе совершенно не хотелось. Он переключился на господствующий соцреализм и даже сделал себе имя.

Самовыражению сына он не мешал, просто следил издали, чтоб того не шибко заносило. Да и времена теперь не те, что раньше. Ничего опасного.

Так что Макс жил себе в подаренной родителями квартире, с чудесным видом из окон на Чистые пруды, в полное свое удовольствие. Роскошные хоромы давно превратились в популярный в определенных кругах салон. Независимо от времени суток здесь толкалась масса народу. Атмосфера была самая творческая: назначались встречи, проходили вечеринки, длящиеся иногда по нескольку дней, хранились готовые работы, мольберты, краски, кисти, холсты и прочий скарб членов клуба, не имевших места для хранения своих вещей, устраивались вернисажи, создавались шедевры, тут же ночевали многочисленные собратья по ремеслу, часто просто заглянувшие на огонек и постепенно прижившиеся. Правда, в последние годы, наплыв посетителей заметно сократился. Такое положение вещей совершенно не огорчало Макса, он вообще мало что принимал близко к сердцу. Также его не заботило, что уже давно ничего не подворачивалось в смысле работы. Тянуть лямку, и работать где-то официально, подобно Артему, он не хотел. Макс проповедовал религию под названием «разумный пофигизм», основным законом которой было: «не парься». Ему хотелось абсолютной свободы и полной независимости от навязываемых окружением обстоятельств. В разглагольствованиях на эти темы в основном и проходили, утратившие былой размах, тусовки.

Неизвестно, сколько бы еще продлилось переливание из пустого в порожнее, если бы время Макса полностью не поглотило занятие, которое, как это часто бывает, организовалось совершенно случайно.

Однажды, ломая голову, что бы эдакое подарить родителям к очередной годовщине свадьбы, и не придумав ничего интересного, он написал великолепный семейный портрет, взяв за основу парадные императорские изображения. Мама в диадеме с огромными бриллиантами и бальном платье неимоверного фасона стоит, опираясь на руку отца, облаченного в мундир генералиссимуса с фантастическими орденами и парчовую чалму со страусиным плюмажем, у ног пристроился общий любимец сеттер Трюфель в золотом ошейнике с самоцветами. Портрет был выполнен с соблюдением всех канонов дворцовой живописи, но замышлялся как веселый сюрприз. Отец смеялся до слез и говорил, что больший кич и безвкусицу придумать сложно, но картину поместили на самое видное место. Гостей в родительском доме всегда было много, слухи о подарке разошлись весьма быстро. Многие нашли это занятным и захотели иметь такой же семейный портрет: непременно в золоте, звездах, кистях, парче и бархате.

И все бы закончилось тем, что изобразив всех желающих, Макс просто забыл бы об этой затянувшейся шутке, но неожиданно им заинтересовались весьма состоятельные люди. Уж кому из нуворишей попало на глаза творение Максима, и какое именно, он так и не узнал, но портреты вошли в моду. Кроме того, вчерашние советские люди вдруг повально увлеклись составлением своих генеалогических деревьев, почти всегда докапываясь до дворянских корней. Поэтому спрос на брильянтово-парадные портреты был очень высок. Требования клиентов отличались каноническим однообразием: интерьерчик в стиле «шоб я так жил», дорого-богато, чтоб и глазу приятно, и всем на зависть. Вздорные творческие вольности, в виде излишнего сходства с оригиналом, не приветствовались.

Максим не знал, радоваться или огорчаться. С одной стороны, заказы по-царски оплачивались, а с другой, он понимал, что деградирует: эта, с позволения сказать, живопись, не имела ничего общего с искусством.

Наконец, ему до чертиков надоел этот паноптикум. Чувствуя себя на грани нервного срыва, зашвырнул в рюкзак ключи, паспорт, кошелек и уехал в бывший Ленинград, который к тому времени уже стал Санкт-Петербургом. Там он провел месяц, запоем рисуя дома, прохожих, мосты, каналы, улицы, голубей, скульптуры и вообще все, что попадалось на глаза. О ночлеге Макс не волновался: в городе имелось достаточно гостеприимных квартир, подобных его собственной. Тут все так же собирались творческие люди разной степени успешности, но темы разговоров, обильно разбавленные возлияниями, сменились и теперь касались, в основном, денег. Он благоразумно не стал распространяться про свою эпопею с богатыми портретами: никто бы не понял, зачем он бросил такой вполне, по теперешним непростым временам, достойный заработок. Хотя пару слов сказать все-таки пришлось, слухи в их среде распространялись быстро, и слава о золотоносной жиле уже докатилась до северной столицы, вызвав круги по воде в виде подражателей.

Слоняясь по городу с карандашом и блокнотом, Макс познакомился с молодыми людьми, именовавшими себя свободными путешественниками. Речь шла об автостопе. Его с радостью приняли в компанию, почуввав родственную душу. Обменялись контактами, Макс тут же предложил свою квартиру для «вписки».

Первым опытом свободного путешествия, стало возвращение из Петербурга в Москву.

Прошло несколько лет. Макс колесил по стране. Далеко не заезжал, но мечтал в будущем перемахнуть через Уральский хребет, охватить Сибирь, Дальний восток, Камчатку и Сахалин. Возможно, побывать в Японии, Индии, Китае. Столько интересного на Земле! Хочется все увидеть своими глазами. Он возвращался в Москву, отсыпался и принимался за работу, выплескивая на холст и бумагу накопившиеся впечатления.

Свои хоромы Макс отремонтировал и теперь сдавал: полученных денег хватало, чтобы снимать небольшую квартирку на окраине и без помех гастролировать. Хотя, заработать на ночлег и еду в его странствиях оказалось не таким уж сложным делом: почти везде получалось подработать, помочь по хозяйству и тому подобное. Кроме того, практически в каждом городе находились единомышленники, адреса которых передавались из рук в руки. Если уж совсем не удавалось устроиться или хотелось комфорта, то всегда можно было переночевать за деньги, хоть это и шло вразрез с философией вольного ветра.

Очередную вылазку Макс планировал тщательнее, чем раньше. Теперь его целью была Европа. Хотелось добраться до Португалии, посетив при этом столько стран, сколько получится. Ну, во всяком случае, до Праги он просто обязан доехать, давно пора увидеться с Артемом и Матеем. Подготовившись в лучших традициях академии вольных странствий, Максим отправился на запад.

Встретился с друзьями. Месяц, наполненный воспоминаниями о былых временах, разговорами о жизни и спорами о будущем, пролетел, как один день. В следующем году путь в Португалию повторно преградила Прага. В этот раз Макс проявил упорство и вырвался из ее объятий, но не добрался даже до Франции, задержавшись в Германии. Кошунственно проскакать галопом по Европам, не побродив вдоль остатков Берлинской стены, не увидев Сикстинскую мадонну, замок Нойшванштайн, Сан-Суси, Кельнский собор. Даже простое перечисление красот страны заняло бы много времени. Он хочет все увидеть, а не просто просвистеть мимо. В общем, Макс пришел к выводу, что не стоит пытаться объять необъятное, и решил в будущем полагаться не на планы, а на то как встанут звезды.

Желанная цель: знаменитый мыс Роко, самая западная точка Европы, так и оставалась непокоренной. Максим каждый год обязательно навещался в Прагу, чтобы повидаться с друзьями и досыта набродиться улочками старого города. И совершенно не хотел уезжать отсюда. А, собственно, зачем? Он на то и вольный художник-путешественник, чтобы делать то, что нравится. А мыс никуда не денется.

*Переплетенье сонных улиц, внезапно приводящих в сад,
Где удивлением твоим любуюсь, на ветках яблоки висят.
Там прячется в плюще мадонна, а время – затевает игры.
От суеты уводят в небо соборов каменные иглы.*

Как хорошо гулять по Праге, окутанной сгустившимися сумерками, под ее чернильным небом. Поздним вечером она особенно притягательна: мощные улицы вьются запутанными переплетениями, манят под арки, выводят на маленькие площади и вновь увлекают в лабиринт галерей и переходов. Свет уличных фонарей мягко обволакивает вековые стены, растворяет тени и спорит с разноглазыми недремлющими светофорами, которые бесцеремонно выхватывают из темноты спящие здания.

Старый город не хочет отпустить: «Как можно спать в такую ночь?»

Ниночка с Максом очень нескоро добрались до ее дома. Вышли из Собора, пересекли Малостранскую площадь, прогулялись по Карлову мосту, углубились в лабиринт узких улиц, ведущих к Старомесской площади, полюбовались Орлоем и Костелом Марие-над-Тынем, миновали Пороховую башню и выбрались на площадь Республики. Отсюда уже можно было ехать на трамвае или метро, но, не сговариваясь, отправились пешком. Бродяга Максим частенько проводил ночи, разгуливая по пустым улицам. Ему казалось, что он говорит с этим городом на его языке, а тот поверяет ему свои секреты, делает намеки, дает советы и подсказывает умные мысли. После ночных прогулок Макс чувствовал необыкновенное вдохновение и мог потом несколько дней не выпускать из рук краски. Вот и сейчас он, не умолкая, рассказывал новой знакомой о своей собственной Праге, которая завладела его душой, и которой он был безоглядно покорен.

*Паутиной узких улиц вас заманивает Прага,
И следами, что остались от имперского размаха.
Ах, обломки средьвековья, готика соборов вечных,
Страсти Гете, проза Кафки – берегись турист беспечный.
Европейский мох скрывает смесь славянства и иврита,
Войны Гуса, шепот стали пеной времени укрыты.
Этот город – мир абсента, преломленья безупречность.
Берегись турист беспечный, Прага – это бесконечность.*

Он сделал эффектную паузу, чтобы девушка во всей полноте прочувствовала глубину этих строк. На ее губах блуждала улыбка...

– Расскажи, что-нибудь о себе, – наконец сказала она.

Макс не без труда оторвался от любимой темы, но снова увлекся, переключившись на рассказ о своих странствиях.

– Так кем же ты работаешь? – напрямик спросила Нина, отчаявшись получить хоть какой-то намек для решения этого ребуса, – что у тебя за профессия?

Услышав, что он вольный путешественник и свободный художник, удивилась про себя: «Несерьезно. Как этим можно заработать? Одними впечатлениями же сыт не будешь».

– А ты чем занимаешься? Как оказалась здесь? – в свою очередь поинтересовался Макс.

Нина, довольная, что тоже, наконец, может что-то рассказать, поведала свою историю. Впрочем, весьма уклончиво и без драматических подробностей. Без них, к сожалению, получилось как-то пресно и до банальности просто: жила у моря, вышла замуж, брак распался, вернулась домой, приехала сюда. Сейчас думает о собственном деле, но еще не уверена, чем именно стоит заняться.

За разговором незаметно подошли к дому. У входа под арку Нина остановилась:

– Ну... вот мы и пришли. Спасибо, что проводил.

Он улыбнулся:

– Тебе спасибо за чудесный вечер.

«И что, все что ли? – запаниковала Нина, улыбаясь, однако, самой очаровательной улыбкой, – почему он не просит номер телефона?»

О телефоне они вспомнили позже, а сейчас искусительница-луна, кокетливо прикрываясь облачной мантилей, нежно шептала: «Ах, какая ночь! Посмотрите, на небе звезды целуются. Зачем тратить время на пустые разговоры?»

И Нина, и Максим были с ней абсолютно согласны.

Ночь была такой чарующе-волшебной, что бесспорный постулат: «приличные девочки не целуются на первом свидании» мог только насмешить.

Проснувшись, Нина первым делом потянулась к телефону. Она была уверена, что ее ожидает милое послание от Макса, что-то вроде: «если бы я был рядом, мой поцелуй разбудил бы тебя, открывай глазки, пора вставать!», ну или какая-нибудь трогательная чушь в этом же духе. Но ничего подобного не обнаружилось.

Больше удивившись, чем огорчившись, Нина принялась перебирать в памяти вчерашний вечер. Воспоминания были очень приятными.

«А он ничего», – наконец решила она и сладко потянулась.

Щелкнул замок входной двери, в комнату влетела Ирина:

– О! Проснулась, спящая красавица!

Оказалось, у подруги сегодня выходной, она уже успела сбежать в магазин, а вообще намерена весь день провести дома.

– И я тоже, – Нина зевнула, – никуда не иду.

Она ждала, что Максим с минуты на минуту выдернет ее из сладкой дремы телефонным звонком, назначит встречу и направит мысли по привычному руслу: что надеть, как накраситься.

Узнав о новом знакомом, Ирина потребовала подробностей, и этой темы хватило надолго.

Весь день, капля за каплей, беспокойство нарастало: Макс так и не позвонил. В следующие два дня история повторилась. О том, чтобы сделать это самой, даже речи быть не могло. Настроение, последовательно пройдя несколько стадий, трансформировалось из радостного предвкушения в глубокое уныние, удивив этим саму Нину.

Она никогда не расстраивалась из-за молодых людей.

Влюбилась что ли? Только этого не хватало!

На четвертый день, устав от переживаний, девушка твердо пообещала себе, что с Максом, если он, наконец, соизволит позвонить, она ни за что не станет разговаривать, просто даст отбой и все.

Разумеется, он тут же объявился.

«Ладно, уж, послушаем, что скажет в свое оправдание».

Не обратив ни малейшего внимания на «А, это ты?», произнесенное самым равнодушным тоном, Максим пригласил ее на Выставиште (*выставочный комплекс Прага-Голешовице*).

– Не могу, – услышал он в ответ, – у меня другие планы.

– Какая жалость! – искренне расстроился Максим, – сегодня последнее представление поющих фонтанов, потом они закроются на зиму. Ты уже видела их?

– Нет, – так же без эмоций сказала Нина.

– Нет? – удивился он, – Тогда ты просто обязана все отменить ради них.

Поупрямившись еще немного, Ниночка дала себя уговорить.

«В конце концов, почему бы не посмотреть на эти фонтаны, раз уж он их так хвалит? – рассудила она, – я же действительно не видела».

Макс с Ниной добрались до комплекса на трамвае, оставили в стороне здание с двумя башнями, похожее на большой вокзал и, в этот раз, заплатив за билеты, прошли в зрительный зал, представляющий собой амфитеатр под навесом около прямоугольного бассейна со ступенчатыми горизонтальными дисками. Места для зрителей не имели номеров, каждый садился куда вздумается.

Народу набралось – просто яблоку негде упасть.

Наконец, представление началось. Под нарастающую громкость торжественной музыки медленно поднималась мощная центральная струя, подсвеченная белым светом. Вокруг выросли водяные столбы пониже. Все вместе это создавало зрелище фантастической красоты. Музыка внезапно смолкла. Забравшиеся на запредельную высоту толстые струи, образовав множество брызг, обрушились вниз. Нина вместе со всеми ахнула от восхищения. Под вновь зазвучавшую музыку, затанцевала, расцветенная всеми цветами радуги, вода, похожая на жидкий огонь. Стихия поднималась стеной, каскады сменялись водными снопами, расцветали огромными соцветьями, струйки поменьше закручивались спиральями, пульсировали, рассыпались, вновь взмывали вверх, подчиняясь то грустной, то веселой мелодии.

Светящееся биение было послушно звукам музыки, темп то замедлялся, то ускорялся, вода следовала за ритмом и, казалось, составляла с ним единое целое.

Осколки светящегося водного столба в последний раз осыпались с высоты, музыка смолкла, огни погасли, шоу закончилось. Только небольшое волнение темной поверхности воды бассейна говорило, что всего лишь мгновение назад здесь бушевала укрощенная стихия.

На нескольких языках поблагодарили за внимание, выразили надежду, что зрители обязательно придут еще не один раз полюбоваться фонтанами и сообщили о закрытии сезона.

– Ну как? – с довольным видом спросил Максим, словно фонтаны были его собственностью.

– Грандиозно, – выдохнула Нина.

– А ты говорила: планы!

Макс принялся рассказывать об инженере, создавшем сто лет назад эту красоту, – «кстати, ты знала, что живешь рядом со станцией метро, названной в его честь?», – об устройстве фонтанов, о недавно проведенной реконструкции, а Ниночка слушала и только удивлялась его эрудиции.

А когда добрались до дома, серебристая луна снова подглядывала за ними в компании целующихся звезд.

И опять от Макса не было ни слуху, ни духу.

Нина отнеслась к очередному исчезновению молодого человека без прежних переживаний. В конце концов, на нем свет клином не сошелся. Мало что ли у нее приятелей?

Неожиданно Ирина нашла ей временную работу: срочно требовалась собачья няня.

Нина была равнодушна к собакам, можно даже сказать, не любила их. Этот жуткий лай по любому поводу, вынюхиванье под хвостом, отвратительный запах псины, нет, ей точно не нравились собаки. Но она все-таки созвонилась с хозяевами. Оказалось, те собрались на отдых, а в забронированный отель с собаками нельзя. Выяснилось досадное обстоятельство только сейчас, что-то менять нет времени. И хотя планировали ехать вместе с любимцем – для него куплены билеты и оформлены документы – решили не рисковать, вдруг не получится быстро найти отель, отвечающий запросам, в том числе и собачьим. Метаться в поисках вместо отдыха не хочется. Они вернутся через пару недель, их милый масик не успеет соскучиться. Отдавать на передержку заласканного домашнего пса – стресс не только для собаки, но и для хозяев,

отдых будет отравлен постоянным беспокойством. Раз уж не получилось взять с собой, значит, мальчик останется в родном доме под присмотром надежной няни, которую пришлось спешно разыскивать через знакомых. Шутка ли сказать, придется пустить в дом постороннего! Как-то все не задалось с этим отдыхом. Может, лучше вообще отменить поездку?

Через длинную цепочку вышли на Ирину, она, в свою очередь, предложила работу подруге.

На попечение Нины оставляли игривого фокстерьерчика по кличке Ролекс. Накануне отъезда хозяйка ее подробно проинструктировала. В обязанности входило: гулять с питомцем два, а лучше три раза в день по полчаса, кормить, готовить ему еду, если понадобится, убирать. Ничего сложного.

Нина согласилась. Успокоенные хозяева отбыли на отдых.

Каждое утро и вечер (после некоторых споров, все-таки решили, что двух раз вполне достаточно) требовалось являться к месту службы, что, конечно, не очень удобно, но две недели вполне можно потерпеть. Вознаграждение полагалось вполне достойное.

Нина представляла себя чинно гуляющей по утреннему парку с породистой холеной собакой, и эта картинка ей очень нравилась. «Жаль, что это всего лишь маленький фокстерьер, – огорчалась она, – с овчаркой или, еще лучше, с догом, я выглядела бы просто сногшибательно!» Лучше всего, конечно, если бы это был английский бульдог: мощный, приземистый с квадратной челюстью и обвислыми губами. Ее стройные ножки на фоне его толстых лап смотрелись бы невероятно привлекательно. Она надела бы что-то очень короткое и сапоги на высоких каблуках. Но для фокстерьера лучше подойдет удлиненная клетчатая юбка с высоким разрезом, которая создаст элегантный образ аристократки.

Все было замечательно: при виде Нины Ролекс радостно запрыгал и залился трелью веселого лая, на команду «гулять» принес поводок, покладисто позволил надеть на себя ошейник и тут же ринулся к двери, обнаружив недюжинную силу. Они ворвались в лифт и поехали вниз, пес постанывал от нетерпения и переминался с лапы на лапу. Едва открылись двери, Ролекс выволок Нину на площадку, они пулей пролетели мимо улыбчивого консьержа, у которого полагалось брать и оставлять ключи, и выскочили на крыльцо. И тут пес так дернул поводок, что мало того, что вырвал его из руки, мало того, что Нина, оступившись, упала, больно ударив коленки и ободрав в кровь ладони, мало того, что она угодила прямо под ноги элегантному пану с портфелем, который, в свою очередь, тоже чуть не упал, но удержал равновесие, взмахнув руками, как крыльями, мало того, что портфель, с ускорением описав выразительную дугу, разлетелся веером бумаг... Проклятый пес, не обратив внимания на учиненный ералаш, мощными скачками напрямик понесся по направлению к мирно гуляющей пани с таким же, как он фоксиком и бурно атаковал его. Последний немедленно принял боевую стойку и грудью встретил обидчика. Путаясь в юбке, забыв про ладони и колени, с воплем: «Ролекс, фу! Ролекс, нельзя!» Нина кинулась за собакой. Пани пыталась спасти своего питомца, но Ролекс не давал ей ни малейшего шанса и напал на противника с особенно удачных позиций, так как пани неуклюжими маневрами лишала своего любимца преимущества. Шум поднялся страшный: собаки рычали, пани визжала, прерываясь на выкрики на чешском языке, Нина кричала по-русски и силилась ухватить поводок, безнадежно затерявшийся в собачьем клубке. Наконец, ей это удалось, и она из последних сил оторвала сопротивляющегося Ролекса от почти поверженного противника. Тишину это не восстановило: собаки яростно облаивали друг друга, пани верещала на Нину, а Нина, отчаявшись донести свои извинения, тоже перешла на крик:

– Что ты орешь?! Держала бы крепче своего кабысдоха, сама виновата, не видишь что ли, мой с поводка сорвался!!!

Крик, вой и лай продолжался пока Нина не утащила Ролекса за угол дома. Пес упирался, озираясь и, пятясь, неистово осыпал руганью недруга на собачьем языке. Он был крайне возмущен, что у него так бесцеремонно вырвали из зубов противника, ведь тот был уже практи-

чески побежден! Побежденный таковым себя не признавал и в долгу, в смысле возмущенных воплей, не оставался. Его хозяйка тоже голосила на всю улицу, Нина не понимала: то ли она причитает над своей собакой, то ли угрожает лично ей. Наконец, послав напоследок друг другу полузадушенный взлай, собаки угомонились. Наступила благословенная тишина. Нина перевела дух.

Ролекс энергично отряхнулся, задрал лапу у ближайшего куста и невозмутимо потрусил по дорожке.

– Чудовище! – резко дернула поводок Нина, – опозорил на всю Прагу!

Фоксик поднял глаза и умильно посмотрел на нее кротким взглядом. У него был такой ангельский вид, что если бы Нина собственными глазами не видела, как он минуту назад чуть не разорвал в клочья ни в чем неповинного собрата, она бы ни за что не поверила, что это милое создание устроило такую безобразную драку.

Возвращаться к подъезду было страшно, но элегантный пан уже собрал свои бумаги и удалился, визжащей пани тоже не было видно, а консьерж сделал озабоченное лицо и показал пальцем на Нинины ноги. Ну да, юбка уничтожена (угораздило же ее нацепить юбку), сногсшибательный разрез разошелся до пояса, колени и ладони расквашены, ногти обломаны. Боже мой, как же теперь добираться до дому?

Больше такого безобразия Нина старалась не допускать: прежде чем покинуть квартиру, несколько раз обматывала поводок вокруг ладони, и, припоровившись, исправно совершала собачий моцион строго два раза в день, одеваясь, как все собачники, в джинсы и удобную куртку.

Иногда к их вечерним прогулкам присоединялся Макс. Ролекс сразу проникся к мужчине симпатией и в его присутствии отказывался слушаться Нину. Они подолгу гуляли, заходили поужинать в господы (*пивной ресторан*), куда без всяких осложнений пускали и собаку. Ролекс вел себя как паинька, вызывал общее умиление и всегда получал от заведения что-нибудь вкусненькое. Он устраивался на полу в ногах у Макса и дремал, пока люди пили пиво и вели, по его мнению, бесконечные разговоры.

Макс рассказывал о своих планах, которые в основном были связаны с путешествиями и рисованием. Пока что он собирался задержаться здесь на неопределенный срок, это стало возможным после того, как Артем формально предоставил ему работу, и необходимость соблюдать сроки пребывания отпала. Нина втайне надеялась, что настоящей причиной затянувшегося визита Макса в Прагу является она, и ждала признаний.

Когда Макс интересовался ее делами, отвечать было нечего. Ну, решительно никаких дел, кроме Ролекса, да и того скоро заберут. Остаются только летяки. Но разве это можно назвать делами?

– Не понимаю, – говорил Макс, – тебе что, очень нравится раздавать листовки? – он усмехнулся, поймав ее негодующий взгляд, – ну и не раздавай!

– Супер совет, – возмутилась Нина, – И что делать?

– Ну, конечно, во всей Праге никакой другой работы не сыщешь, кроме этих твоих летяков! Что за ерунда! Подумай, чем бы ты хотела заниматься?

– Какая разница, что я хочу? Все равно это невозможно!

– И чего же такого невозможного ты хочешь? – настаивал Макс.

– Школа гейш, – уверенно заявила Нина, – мне очень хотелось бы открыть школу гейш.

– Гейш? В Праге? – изумился Макс.

Нина давно мечтала, как она, облаченная в элегантное кимоно, открывает восхищенным слушательницам тайны чайной церемонии. Или учит их выразительным в своей лаконичности движениям лирического и печального танца Куроками. Или нежными, как лепестки розы, пальчиками едва касаясь стеблей и бутонов, создает прелестные цветочные композиции. Как это было бы чудесно! Какой хорошей наставницей она бы стала! Однако она понимает, что все

эти бесспорно интересные вещи – не главное. Главное, уметь научить разбираться в тонкостях взаимоотношений между мужчинами и женщинами, а в этом, как показала жизнь, она совсем не сильна. Во всяком случае, свой экзамен с Петром она провалила.

– Вообще-то интересная затея, – одобрил Макс, когда Нина, смущаясь, рассказала о своей мечте, – Одно могу сказать: тебе совершенно необязательно разбираться в тонкостях отношений. Это же чистая психология, для этого нужны специалисты. Я уверен, что здесь вполне можно их найти. Прага просто переполнена русскими. Во всяком случае, попробовать стоит. А ты будешь заниматься другими вещами. Чем там ты хотела? Чаем, танцами, цветами. И все образуется. Школа гейш, которую ты посещала, это не что иное, как курсы личностного роста, только с эдаким ориентальным флером, приправленные японской экзотикой для лучшего спроса. Мне нравится. Думай.

«О чем тут думать, если денег все равно нет?» – расстраивалась Нина. Просить деньги на эту затею у родителей она бы не осмелилась, а своих у нее не имелось.

Нина вернулась к мыслям о школе, когда отдохнувшие хозяева Ролекса освободили ее от обязанностей, и она вновь осталась без работы. Она позвонила маме в Россию и попросила, чтобы та привезла кимоно и стопку конспектов, которые она старательно писала, когда училась в школе гейш.

– Ты была когда-нибудь в мастерской художника? – спросил Макс, позвонив, по своему обыкновению, после нескольких дней молчания.

Нина так и не решила, как реагировать на его исчезновения. И непонятно, что именно она должна спросить?

Куда ты пропадаешь всякий раз? – Он не должен отчитываться перед ней. Захотел – пропал, захотел – появился.

Почему ты так редко звонишь? – Да ни за что! Лучше умереть, чем признаться в своей заинтересованности.

А раз непонятно, что спросить, значит и не нужно затевать никаких допросов.

Макс пригласил Нину в гости к своему другу Артему. Тот снимал небольшую двухэтажную виллу в районе Дейвице, надо сказать, весьма respectable, девушка уже ориентировалась в этих вопросах.

Максим рассказывал, что с другом он знаком со студенческой скамьи, соответственно, тот тоже художник.

– Свободный, как и ты? – спросила Нина.

– Скорее, несвободный, – усмехнулся Макс, – у него слишком много забот, кроме того, он привязан к своему дому, мастерской, у него куча обязательств. Все это, знаешь ли, очень ограничивает свободу.

– Жена, дети? – по-своему поняла Нина определение «привязан к дому».

– Если бы у него еще были жена и дети, он точно спятил бы...

Нина не стала настаивать на подробностях, сейчас она сама все увидит.

К ним вышел человек, с точки зрения Нины, совершенно не похожий на художника. Обыкновенный. Слишком обыкновенный. Художников она повидала немало: в сезон на побережье всегда дислоцировалась целая армия живописцев, предлагающих кроме морских пейзажей, котят, лошадей, щенков, сексапильных красоток и еще бог знает чего, быстрые портреты и шаржи. Обычно это были молодые ребята, загорелые до черноты, слегка небритые, слегка нетрезвые, слегка помятые, в общем колоритные. А этот – ничего особенного.

Он представился, Нина улыбнулась в ответ, назвав себя.

– Млада пани интересуется искусством? – спросил Артем.

Нина пожала плечами, об искусстве вообще не было речи, ее просто пригласили посмотреть на мастерскую художника.

– Млада пани просто любопытствует, – ответил за нее Макс, – думаю, не каждый может похвастаться знакомством с живым гением.

– Заткнись, – невежливо отмахнулся Артем, – не слушай его, милая, он, как всегда, преувеличивает. Подьте дал, просим (*проходите, пожалуйста*), – пригласил он.

Нина насторожила уши: гений? Кто гений? Однако шутливый тон, с которым были произнесены эти слова, скорее давал понять, что сказанное – всего лишь шутка.

Они вошли в прекрасно освещенную большую комнату с высокими потолками и огромными окнами. Приятные впечатления на этом заканчивались. В помещении царил такой беспорядок, что было решительно непонятно, как вообще можно сюда кого-то приглашать в гости. Чистюля Ирка точно бы хлопнулась в обморок, окажись она в этой, с позволения сказать, мастерской.

На самом видном месте помещалась внушительных размеров фотография, с изображением ... писсуара, с намалеванным на его боку черной краской то ли годом, то ли номером.

– А это тут зачем, – ткнула пальчиком в сомнительное украшение Нина.

– О! – благоговейно воскликнул Артем, – это моя святыня и образец для подражания!

Нина недоуменно молчала. Наверное, все-таки, правда, что все гении безумны.

– Ну что ты выпендриваешься, – вмешался Макс, – объясни девушке, ты же у нас выдающийся концептуалист.

– Я лучше принесу пиво, – устранился гений.

Макс рассказал, что на фотографии – одна из самых знаменитых концептуальных композиций, которая называется «Фонтан».

– Она не должна выглядеть, как предмет искусства, не должна вызывать эмоций, она поясняет сама себя и создана для умозрительных заключений и интеллектуального восприятия, – коротко объяснил он.

Объяснение звучало неубедительно и непонятно. Нина благоразумно молчала, так как не была уверена, что Макс не смеется над ней.

Вернулся Артем с пакетом, который попытался водрузить на ближайший стол, заваленный каким-то барахлом, расчистил место, попросту смахнув хлам на пол, и принялся доставать бутылки.

– Прошу, – пригласил он, – не морочь девочке голову, лучше поставь нам свои работы. Он, знаешь ли, такой трудяга, сутки напролет все работает, работает...

«Так вот почему он пропал так надолго, – осенило Нину, – он рисовал!»

Она почувствовала, что ее охватывает радость. Тревоги и подозрение в пренебрежении к собственной персоне – обычная бабская ревность и глупость, Максим действительно был занят.

Он расставлял полотна на всех подходящих для этого поверхностях. Нина настроилась на эстетическое удовольствие.

На картинах – Прага, это понятно. Но что же это за Прага? Загибающиеся дома, торчащие во все стороны статуи, Карлов мост с треугольными волнорезами уходит в небо, попутно расчесывая реку, Костел святого Витта с завязанными в узел башнями, беспорядочные пятна, совершенно не монтирующиеся друг с другом линии. Такое впечатление, что все это рисовал ребенок, впервые взявший в руки краски. А это что? На Старомесский Орлой, вырисовывающийся из постепенно густеющей тени, карабкается черная пантера, ей никак не удается добраться до вершины, несмотря на старания каких-то омерзительных существ, подсаживающих ее сзади. Сразу и не разобрать, что к чему, композиция складывается из пятен, без обдумывания не читается. У пантеры – женское лицо, и оно возмутительным образом напоминает ее собственное!

– А это что? – строго спросила она.

– Это темная сторона души города, – ответил Макс, – именно эта работа, на мой взгляд, самая красноречивая.

– Да, – согласился гений, – производит впечатление: пульсирующая, живая. Чувствуется эдакая порочная энергия!

– Минуточку, – вмешалась Нина, которой совершенно не нравился этот разговор, – а почему она похожа на меня?

Художники, одновременно сдвинув брови, посмотрели сначала на Нину, потом на пантеру, потом опять на Нину, а потом уставились друг на друга. Макс выглядел сконфуженным.

– Ну, в чем дело-то? – стервозным тоном осведомилась девушка, – темная сторона души города с моим лицом! Что за шутки?

– А что? – ни с того, ни с сего вдруг развеселился гений, – и правда похожа!

– Это вышло случайно, – наконец объяснился Макс, – понимаешь, я работал не с натуры, что подсознание подкинуло, то и нарисовалось.

Нина обиженно молчала.

– Я, кажется, догадываюсь, – вмешался Артем, которого очень забавляла эта история, – тебе не на что обижаться, милая, вот, смотри.

Он достал с полки несколько папок и, не обращая внимания на протесты друга, продемонстрировал целую кипу карандашных зарисовок: всюду она, Нина. Улыбается, хмурится, смеется, удивляется...

– Он просто слишком часто изображал одну натуру, – примирительно заключил Артем, – тебя. Вот и получилось, что получилось. Знаешь, дружище, – обратился он к Макс, – тебе не следует распылять эти наработки. Почему бы не написать портрет? Только попробуй в более традиционной манере.

Однако работу над портретом пришлось отложить. Нина, обрадованная открытием (Макс ее рисует!) и польщенная предложением, была готова начать позировать хоть сию минуту. Но художник почему-то тянул и откладывал. Через какое-то время он позвонил с сообщением, что «созрел». Нина, недовольная промедлением, заявила, что теперь не может она, потому что должна встретить маму и съездить с ней в Пльзень. Марина действительно собиралась выехать в Чехию. Она совершенно не настаивала, чтобы дочь сопровождала ее, было вполне достаточно провести вместе пару дней в Праге, но Нина заявила, что соскучилась, и, ни в коем случае не отпустит маму от себя. На самом деле до счастливого события оставалось еще больше недели, а Нина отказалась позировать из чистой вредности, желая показать Макс, что не он будет распоряжаться ее временем, и что она не станет бежать к нему по первому зову, забросив все дела, когда ему заблагорассудится.

Таким образом, пришлось держать марку и делать вид, что она безумно занята. Правда Нина совсем не скучала, переключившись на привычные развлечения: прогулки по магазинам, сиделки с подругами и посещения ночных клубов.

Макс клубы не жаловал. Нине ни разу не удалось затащить его туда. Царившее там веселье наводило на него скуку. Как он говорил, для того, чтобы напиться, ему достаточно интересного собеседника и бутылки, а весь этот буржуйский антураж и грохот только отвлекают от процесса. Объяснять, что там не напиваются, а интересно проводят время, было бесполезно. Обижаться и канючить, тем более. Не помогли и осторожные намеки на то, что раз уж он отказывается ее сопровождать, то она сама найдет себе компанию. На что он совершенно искренне пожелал ей хорошо повеселиться. Вообще, Макс был странный: он не восхищался ее красотой, не обрывал телефон, не дарил охапками цветы, не назначал свидания каждый вечер, не выказывал ревности, когда она «неосторожно» проговаривалась о своем успехе у противоположного пола.

Макс никогда не учил ее жизни, не высказывался неодобрительно о ее друзьях, хотя в их компанию он почему-то не вписался, никогда не знал, что творится в мире, был равнодушен к спорту, охоте и рыбалке – традиционным мужским развлечениям.

Он был мил, смешил и развлекал ее, иногда подтрунивал, иногда сердил. С ним было увлекательно и празднично, но Нине казалось, что период дружеской симпатии слишком затянулся и вполне пора дать ей понять, что он хотел бы перейти на другой уровень отношений. Что он этого хотел, Нина не сомневалась. Однако Макс не предпринимал никаких действий в этом направлении. Одним словом, он не желал укладываться в привычную схему. Прикрепить к нему ярлычок и поместить в коллекцию своих обожателей никак не получалось.

Приехала мама. Нина сразу потащила ее в Пльзень. Ровно один день потребовался, чтобы рассказать и выслушать все новости. Потом началась бесконечная череда визитов с одними и теми же разговорами. Очень скоро Нина соскучилась и засобиравшись назад, в Прагу. Мама ее не удерживала и, напутствовав своим обычным: «будь умницей», отпустила.

Нина сочла приличным послать Максиму СМС-ку с известием, что она уже в Праге. Он тут же позвонил и обрадованным голосом сообщил, что скучает и очень рад ее возвращению.

Нина снова очутилась в захлавленной мастерской. Стараясь не смотреть на писсуар, присела на краешек плетеного стула, предварительно смахнув с него воображаемую пыль, выпрямила спинку, чинно сложила ручки с безупречным маникюром на коленях.

Макс в это время затеял какую-то возню с разноцветными полотнищами, драпируя миленький диванчик, который совершенно не нуждался в том, чтобы его заваливали тряпьем. Напоследок, пристроив пару небольших подушек, он отошел на несколько шагов и, видимо, остался доволен результатом.

– Ложись, – скомандовал он, указав на диванчик.

Для позирования Нина надела длинное платье из тонкой шерсти с меховой отделкой благородного цвета индиго, который придавал загадочный оттенок ее черным волосам, а синие глаза делал бездонными. Лечь на сомнительные тряпки в таком шикарном платье было бы кощунством, о чем она и сообщила Максиму.

– Кто сказал, что ты будешь в платье? – удивился он, – конечно, снимай его.

– Как..., снимай? – в свою очередь удивилась Нина, – ты хочешь сказать...

– Ну да, – нетерпеливо объяснил художник, – вся соль в игре разноцветных бликов на обнаженной коже. Я же не фотограф! Давай, снимай скорее! Приступим.

– Я отказываюсь, – с видом оскорбленной королевы заявила Нина.

– Отказываешься? – не понял Макс, – Как, отказываешься? Почему? Ну, прошу тебя, не упрячься. Нужно всего лишь побыть в неподвижной позе некоторое время...

– Ты не говорил, что побыть в неподвижной позе нужно будет голяком.

– Мне в голову не могло прийти, что это тебя смутит!

– А ты как думал! – возмутилась Нина, – я же не какая-нибудь шлюха!

Уговоры и протесты продолжились. Максиму пришлось употребить всю свою выдержку, задействовать дар убеждения и красноречия, и все равно, удалось добиться лишь того, что Нина согласилась остаться в белоснежном кружевном комплекте белья.

– Но это же не реклама трусов, это портрет! – настаивал художник.

– Или так, или никак, – упорствовала натурщица.

Макс уступил. Во-первых, устал, во-вторых, для первого сеанса сойдет: наметить контуры, сделать черновой подмалевок можно и так.

Он помог ей устроиться на диванчике, поправил драпировки, велел не шевелиться и приступил...

– Нет, так не пойдет, – нахмурился он через какое-то время, – этот чертов белый забивает все цвета. Не годится. Не то! Вставай, разомнись!

Нина была рада, что сеанс прервался. Ей совершенно не понравилось позировать. Проклятый диван искушал ее своими злобными пружинами. Шевелиться нельзя, спина и бок затекли и одеревенели, в руках поселился целый муравейник. А глаза Максима ничего не выражают, ни искры чувств, хотя она лежит тут перед ним в одних трусах и лифчике, как яблоко на тарелке – бери и ешь. Уткнулся в свою картинку, и ничего не видит...

– Что, все? – с вызовом спросила она.

Макс не обращал на нее внимания и не отрывал взгляда от холста. Он выглядел недовольным, хмурил брови, качал головой, бормотал себе под нос и энергично что-то подмазывал на рисунке.

Нина встала и принялась одеваться. Ей было очень обидно. До того обидно, что хотелось послать непечатно этого зануду куда подальше вместе с его портретом, и убежать из пыльного сарая на свежий воздух. Туда, где все просто и понятно, где не надоедают стихами, где веселятся с друзьями в клубах, где не вешают стремные фотографии на стены, где, наконец, мужчины с любовью смотрят на женщин, а не на кусок холста! С нее хватит, она уходит. Она схватила платье.

– Понимаешь..., – наконец, поднял глаза на Нину Макс, – Что с тобой? – изумился он, увидев, что она поспешно натягивает платье.

– Ничего, – ледяным тоном отозвалась Нина, – мне пора.

Макс заметил, что ее глаза подозрительно блестят.

– Да что случилось? – он бросил кисть и порывисто приблизился к девушке, – я тебя чем-то обидел? – он попытался ее обнять.

Она выставила вперед ладони, словно отказывалась от неуместного предложения:

– Нет, нет, ничем не обидел, ничем, просто... мне надоело.

– Что надоело?

Он снова попытался ее обнять, но она ускользала, приговаривая:

– Нет, нет, хватит! Все! С меня хватит!

Он решительно потребовал объяснений, заявив, что никуда ее не отпустит, и она выпалила:

– Ты убиваешь меня своим равнодушием! Рядом с тобой я не чувствую себя женщиной! То ты мил и ласков, то равнодушен, словно мы едва знакомы. То появляешься, то пропадаешь без всяких объяснений. Наконец, заставляешь меня снять одежду, укладываешь, как колоду на эти жуткие тряпки, запрещаешь шевелиться, даже не смотришь на меня, а потом оказывается, что опять что-то не так! Это невыносимо! Я больше не могу!

Выложив все это, она разрыдалась.

Максим, наконец, обнял ее:

– Ну что ты! Ниночка, ну не плачь, ты самая красивая, самая желанная, – приговаривал он, целуя мокрые щеки, – ну, успокойся.

– Прекрати обращаться со мной, как с ребенком! – возмутилась девушка, – я не...

Но договорить не получилось. Невозможно что-то внятно сказать, когда губы заняты поцелуем.

А диванчик, как выяснилось чуть позже, оказался очень даже удобным.

Пока шла работа над портретом, Нина оставалась ночевать у Макса. Для хозяина дома, Артема, такое положение вещей было вполне естественным, он еще помнил годы, когда они дневали и ночевали в квартире друга большими разношерстными компаниями и любой мог привести гостя, а то и не одного. Его жилье было гораздо вместительней, и было даже жаль,

что веселые тусовки остались далеко в прошлом. Кроме того, Артем, поглощенный своими собственными делами, не обращал никакого внимания на любовную историю под боком.

Ниночке очень нравился этот дом. Осмотревшись, она даже предприняла попытку устроить уборку. Близилось Рождество, и такой порыв был вполне уместен. Макс вовремя охладил ее пыл, объяснив, что не годится отнимать работу у приходящей домработницы, она получает за это деньги и вполне справляется. Ниночка выразила сомнение в ее квалификации, выдвинув неоспоримый аргумент в виде заваленной хламом мастерской, на что получила категорический запрет не только там убирать, но даже просто переставлять что-то на другое место. «Ну, пыль-то можно протереть, вон, паутиной все заросло», – обрадовалась Нина возможности навести хоть какое-то подобие порядка, и только приход Макса спас кропотливо накапливаемую «натуру».

– Я тебя умоляю, – страдальчески закатывая глаза, чуть не рыдал он, – не прикасайся ни к чему! Здесь только нужные вещи!

Нина не понимала, как грязь и паутина могут быть нужными вещами, но спорить не стала, смирилась и больше на беспорядок в мастерской не покушалась.

Как ни странно, не удалось блеснуть и кулинарными талантами, хотя аксиому «путь к сердцу мужчины лежит через желудок» вроде никто не отменял. И Макса, и Артема вполне устраивала еда из супермаркета, и они совершенно не понимали, зачем тратить прорву драгоценного времени на приготовление деликатесов, без которых спокойно можно обойтись. Создать традицию «семейных» обедов не получилось, потому что собрать всех вместе за столом оказалось невозможно: каждый жил по собственному графику и, проголодавшись, просто запускал лапу в холодильник, хватая первое, что подвернулось.

– Как можно так жить? – удивлялась Ира, слушая рассказы подруги, – ну ничего-ничего, не расстраивайся, со временем ты его окультируешь.

Макс не позволял смотреть на картину до самого конца работы. Нина просто изнывала от любопытства, но терпеливо позировала, уже не испытывая прежних приступов стыдливости. Наконец, последний мазок был положен, художник позволил насладиться своим творением.

Почему-то он собирался продемонстрировать две картины. Вторая, о которой не было никакого упоминания, уже давно стояла на отвернутом к стене подрамнике. Нина не обращала на нее внимания – множество готовых холстов разной величины громоздилось во всех возможных местах – у нее не было повода выделять какую-то. Помня о строжайшем запрете, девушка их не трогала. То, что ей показывали раньше, не вызвало ни интереса, ни желания вникать в смысл изображенного.

Макс с торжественным видом взял ее за руку и завел за мольберт. Нина затаила дыхание.

Все-таки ее выдержке можно позавидовать. Только благодаря силе духа удалось скрыть жесточайшее разочарование.

Несомненно, это была она, Нина. Но! Разве это она? Два, готовых лопнуть, кулинарных мешка (это, надо полагать, грудь) стоят дыбом над пухлым животом с пупком-колодцем, раздутые бедра неестественного цвета, красно-зеленые лодыжки, похожие на дубинки. Корявая пятерня прикрывает лоно – разве у нее такие руки?! А волосы? Всклокоченный сноп синечерных стручков буйно торчит из макушки – да она в жизни не носила дреды! Зачем, спрашивается, нужно было валяться тут голой столько времени, если он просто намалевал примерно то же, что подростки, томящиеся на медленном огне наступающей половой зрелости, рисуют на заборах? А лицо? На первый взгляд – размалеванная маска, но черты безошибочно складываются в ее облик. Как такое возможно, скажите на милость? Мазня мазней, но это ее глаза с недобрый выражением смотрят из-под полуопущенных ресниц-бровей. Это ее обольстительная улыбка играет на сардельках-губах. Как, скажите?

– Ну, что? – с самым невинным видом осведомился Макс.

Она сдержалась. Промолчала, боясь наговорить лишнего.

– Ладно, – вздохнул он, – пусть сохнет, глянь теперь сюда.

Он продемонстрировал вторую картину.

С портрета смотрела гордая красавица с лицом Нины в диадеме из огромных сапфиров, с высокой прической, ниспадающей на мраморные плечи каскадом блестящих черных локонов. На лебединой шее – многорядное кольцо из невероятных бриллиантов. Перламутровая нагота тела оттеняется полураскрытым веером из павлиньих перьев, которым девушка прикрывает низ живота, вторая рука лениво закинута за голову. С ножки хрустальной каплей свисает крошечная туфелька. Ложем служит роскошный диван, небрежно покрытый драгоценным горностаевым мехом, на котором в продуманном беспорядке разбросаны подушечки с золотой бахромой.

Томная поза прелестницы в точности повторяла позу той непристойной бабы с первой картины. Но даже сравнивать ту и эту было бы святотатством.

Только одно резало глаз: в углу великолепного будуара, задрапированного бархатными портьерами, непринужденно пристроился песик, которого момент написания картины застиг за отправлением естественных надобностей: он стоял, задрал заднюю лапу, орошая тускло мерцающую вазу из лазурита с охапкой васильков.

– А Ролекс тут к чему? – с неудовольствием спросила Нина.

– Это создает естественность и непринужденность, – ответил Макс.

Нина снова впиалась взглядом в портрет. Ну что ж, раз художник считает, что должна быть непринужденность, пусть будет, она не станет спорить. Хотя... Кстати, васильки в таком королевском интерьере совершенно неуместны, полевые цветы, практически сорняки, сюда просто просятся розы или орхидеи. Ладно, возможно, это тоже необходимо для создания непринужденности.

– Один из них – твой, – прервал ее размышления Макс, – выбирай.

Ниночка забрала бы оба, чтобы с огромным удовольствием сжечь вульгарную пачкотню, но поскольку предложили только один, она, естественно, выбрала сапфирную красавицу.

– Это мой прощальный подарок, – огорошил ее Макс, когда выбор состоялся, – пора домой, что-то я тут загостился.

Нина расстроилась. Ну что ты будешь делать с этим Максом? Опять какие-то выкрутасы! Только-только у них все пошло на лад, а он надумал уезжать!

– Я обязательно приеду, – утешал он, – ты и не заметишь, как быстро пройдет время.

– Я буду ждать тебя, – всхлипывала девушка.

В ответ он крепко прижал ее к себе.

...Если бы через какое-то время Ниночке попался в руки каталог венского аукционного дома Доротеум, и она от нечего делать захотела бы полистать его страницы, ее внимание непременно бы привлек лот №*** под кратким названием: МОЯ НИНА. А начальная цена наверняка вызвала бы недоумение: да неужели можно продать подобную мазню за такие сумасшедшие деньги?

Нина всерьез собиралась дожидаться возвращения Макса. И хотя сроки отсутствия не были обозначены, твердо верила: он обязательно вернется. К ней.

Конечно, он невыносим, конечно, с ним непросто, но она очень скучала. Сидела на постели, подобрав под себя ноги, часами гипнотизировала подаренный портрет и предавалась печали. Ира, ошеломленная великолепием изображения, утешала:

– Вернется, никуда не денется. Разве можно уехать от такой красоты?

Хотя про себя считала, что Макс серьезно польстил Нинке. И ноги у нее короче, и грудь поменьше, и глаза не такие выразительные.

Затворницы из Нины не получилось, и вскоре она вернулась к прежней жизни. Даже закрутила роман, так, ничего серьезного, но на этот раз все было по ее правилам: и цветы, и восхищение, и воркование по телефону, и походы по клубам.

Пролетели рождественские праздники, встретили Новый год, отметили Православное Рождество, потом – Старый Новый год. Нина была в своей стихии: наряжалась, готовила праздничные вкусности, ходила в гости и танцевала до упаду.

Заключительной точкой в этой череде явился день рождения самой Нины. Природа преподнесла ей подарок в виде легкого снежка. Нина верила в примету, что снег в день рождения – это к счастью. А уж если он пойдет на твой день рождения первый раз в году, то тебя ждет невероятное везение и успех во всем. Правда, рассчитывать на это не приходилось: до 27 января снег успевал здесь засыпать все вокруг. Вероятно, эта примета работала только дома, у теплого моря, где действительно снег мог выпасть один-единственный раз за весь год, бесснежные теплые зимы случались очень часто, иногда на протяжении нескольких лет можно было вообще не дожидаться ни одной снежинки.

Она собрала подруг и друзей в небольшом ресторанчике, чтобы чисто символически отметить торжество: все уже устали от праздничной суеты, поэтому затевать что-то грандиозное не имело смысла. Она была поглощена ролью радушной хозяйки, но краем глаза уловила, что с нее не сводит взгляда мужчина, сидящий за столиком неподалеку. Нина послала ему милую улыбку, он в ответ просиял и поднял кружку с пивом. Привыкшая к мужскому вниманию, девушка на какое-то время забыла о наблюдателе – она была занята гостями – но незнакомец напомнил о себе, прислав официанта с пышным букетом цветов:

– То йе про Вас (*это для Вас*).

Нина сдержанно кивнула незнакомцу и отвернулась, давая понять, что благодарна, но приглашать его за свой столик не намерена. Собственно, такие вещи были совершенно обычным делом дома. Что особенного в том, что мужчина прислал понравившейся девушке цветы или бутылку шампанского? Никого ни к чему это не обязывало. Было бы вполне приличным пригласить незнакомца в свою компанию, но актуальный кавалер Нины так явственно напрягся, что делать этого не стоило ни в коем случае. Следуя кодексу чести ему следовало переговорить с нахальным выскочкой, но Нина была начеку, и не допустила этого, прошипев: «Только попробуй устроить разборки! Мы не в России!». Пришлось ограничиться многозначительным взглядом, хотя очень хотелось пообщаться с дерзким чужаком с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.